

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВИЛМА
КАДЛЕЧКОВА

МИЦЕЛИЙ
ЛЁД ПОД КОЖЕЙ

Вилма Кадлечкова
Мицелий. Лед под кожей
Серия «Звезды научной фантастики»
Серия «Мицелий», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68781561
Мицелий. Лёд под кожей: [роман] / Вилма Кадлечкова; перевод с
чешского Софьи Токаревских.: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-139475-2

Аннотация

Пятьдесят лет назад древняя теократическая цивилизация өссеан вступила в контакт с людьми и за прошедшие годы значительно изменила человеческое общество. Бывший посол землян на өссе, Лукас Хильдебрандт, решил найти способ противостоять влиянию инопланетян и добился того, что задумал, но в то же время непреднамеренно коснулся самой темной тайны своих непобедимых противников. Из-за его действий в казалось бы незыблемой церкви пришельцев, средоточии их культуры, начинается борьба за власть, а за разгорающимся конфликтом следит что-то иное, холодный и равнодушный разум, который таился в глубинах космоса, но теперь решил действовать. Сам же Лукас пытается наладить контакт с оружием, которое хотел обратить против өссеан, – телепатом с другой планеты. Но как

разговаривать с тем, кому известна любая твоя мысль, любой страх? Как заставить слушать того, кто знает о тебе все, а сам остается загадкой?

Содержание

Благодарность	7
Лаёгүр	9
Глава первая	9
Глава вторая	31
Глава третья	61
Глава четвертая	90
Глава пятая	110
Глава шестая	129
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Вилма Кадлечкова Мицелий. Лёд под кожей

Vilma Kadlečková
MYCELIUM
LED POD KŮŽÍ

Печатается с разрешения автора и агентства ARGO spol. S.r.o.

Перевод с чешского: Софья Токаревских

Mycelium. Led pod kůží, 2013
Copyright © Vilma Kadlečková

© Софья Токаревских, перевод, 2022

© Светлана Сапега, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Благодарность

Отдаю почести всем жертвам өссенских грибов – своим любезным и безжалостным бета-ридерам, без поддержки и замечаний которых эта история и дальше существовала бы как слой сведений в протонации вместо того, чтобы конденсироваться в виде слов на бумаге или экране.

Помогли мне прогрызть путь сквозь мицелий до самого дна следующие люди: Каролина Францова, Санча Филле, Виктор Яниш, Ондржей Миллер, Рихард Поданы, Зденек Рампас. Спасибо! И особенная благодарность моему мужу, Мартину Климу, что за одиннадцать лет, пока я с переменным успехом и перерывами писала эту книгу, он не выставил меня с моей бандой инопланетян за дверь.

Вилма К.

* * *

Пять священных веществ. Пять уровней на пути к Озарению – самому прекрасному и самому страшному, что принесла цивилизация өссеан на планеты людей. Гёмершајл, по-терронски называемый Янтарные глаза, проломит барьеры сознания. Лаёгүр, Лед под кожей, сосредоточит мыс-

ли на далекой цели. *Окрё, Падение в темноту*, уничтожит пламенем все, что было; а *янтрїjn, Видение*, откроет дверь в новый мир и новую реальность. И, наконец, к душе вззовет *рjвё, Голоса и звезды*, – и объединит хаос сомнений в единое и единственное целое – в *Космический круг Совершенно-го Бытия*.

Такова вера оссеан.

Однако существуют и другие. Люди, как Лукас Хильдебрандт, которые хоть и понимают, чего от них хотят, но все равно ни за что не сделают этого как положено. *Космический круг Совершенного Бытия* они принципиально называют *Космическим духом Откровенного Нытья*; а вместо того, чтобы идти навстречу Богу, упорно бредут в обратном направлении.

Для них это самый настоящий ад. Или как минимум борьба за жизнь.

Пять уровней неволи, зависимости, безумия.

Лаёгүр

Глава первая Таинство Кораблей

«Самые важные вещи происходят втайне, – говорили на Ёссе. – Ведь наши тайные мысли получают над нами власть». Лукас Хильдебрандт знал и вторую часть этой поговорки, хотя о ней вспоминали не так часто, – и именно она с ужасающей настойчивостью крутилась в его голове, когда он оставлял свой Корабль.

Едва они приземлились, наступил момент безвременья, пока Ее моторы затихали, а корпус охлаждался. Трое на палубе достигли общей цели, а теперь сконцентрировались на других мыслях – каждый на своей. Аш~шад с Фомальхивы с особой увлеченностью наслаждался первыми видами планеты предков. Пилот Джеймс Ранганатан выбежал на площадку и занялся привычным контролем, чтобы поскорее закончить и уйти. Лукас убедился, что за ним никто не идет. После чего пробрался в пустую кабину пилота.

«Втайне». Он отсчитал необходимое расстояние и коснулся непрямого узора на пульте управления. *«Знак».* Панель раздвинулась и раскрыла небольшое углубление,

полное скользкого плазмодия, лужицу без воды. «*Священная точка*». Лукас глубоко вдохнул и приложил руку к плазмодию.

На него навалилась тяжесть. Казалось, что переборки расплываются... что кабина рушится и падает на него. Так резко и так неуловимо. Ее присутствие, Ее выжидающее сознание за тонкими слоями бархата и тика. Чужая жизнь, которой ему не понять... чужие мотивы, которые он так отчетливо ощущает, но не может описать словами. Лукас вздрагивал в ритме учатившегося пульса. Он боялся, что не сможет заговорить, но молчать он тоже не мог.

«*Ангаёдаё*», – обратился он к Кораблю по старому имени, не земному.

Звуки корабельного ёссеина качались на волне инфразвука, вызывали тошноту и головокружение... приступы слабости, проходящие через все тело – словно кусок полотна, развевающийся на ветру. «Скажи мне. Открой мне тайну», – без звука шептал он на языке ёссенских Кораблей. Ноги подкашивались, пришлось опереться на панель и другой рукой. «Это не всё. Я знаю! Я не могу так просто уйти!»

Но этого он уже вслух не сказал и даже не написал Ей.

Между ним и Кораблем возникла особая, неуловимая связь. Он, человек, сын герданки и землянина, отдался Ей на милость – и *Ангаёдаё*, космическое существо, подчинилась его воле. Этот договор был заключен по-ёссенски – единственным способом, чтобы заставить Корабль встать на сто-

рону фомальхиванина в ситуации с зүрэгалом, өссенским церковным исполнителем, когда они бежали с Деймоса II и их жизни были под угрозой. К этой сделке Лукас подошел с холодной рассудительностью. Не стал никому объяснять, в чем она заключается. Со стороны и не было заметно – следы иголок давно исчезли с его запястья. Но лаёгүр сковал льдом кровь – *лед под кожей*, второе священное вещество, то, что проясняет мысль и обостряет восприятие.

Корабль установил свою цену. Благодаря лаёгүру Лукас был с *Ангаёдаё*.

Голову постепенно охватывало безумие. За долгие часы полета ему не раз казалось, что он слышал Ее – голос звучал внутри него, будто проткнувший череп клин. Шепот *Ангаёдаё* походил на отражающееся от стенок черепа эхо, и в Лукасе росла уверенность, что Она действительно хочет сообщить ему нечто важное. Он упорно боролся за малейший проблеск понимания. Еще во время посадки, пока Она опускалась сквозь слои атмосферы, Лукас сидел, крепко зажмурив глаза, и впитывал каждое Ее содрогание, каждую перемену наклона, каждое колебание в вихре воздуха, будто в последние моменты он мог пробиться к тому, что начинало безнадежно исчезать под нарастающими слоями реальности. И хотя он владел корабельным өссеином лучше многих, из Ее тихой речи он не мог выхватить ни слога.

«Получится ли теперь?»

Лукас поднял глаза на противоположную стену, где све-

тилась бледная синева корабельного Зрачка. Он заметил в нем медленное неясное движение, вихрь цветов. Зрачок за- тягивал его. Поглощал. *Trëigrîj* установилось. Лукас вдруг потерял уверенность в том, что его окружает на самом деле: существует ли эта кабина, кресло, переборки, существует ли он сам и фомальхиванин... или же это совершенно другая реальность, намного более древняя и весомая... өссенская.

Ангаёдаё колеблется. Чужая воля переплетается с Ее во- лей. Паутина мотивов – а также слепые пятна, куда не за- глянуть даже Кораблям.

Поток слов пробивает пелену тишины.

«Не здесь, не сейчас, Лїжеас Лус, чужие глаза смотрят, еще не время...»

– Лукас! – в тот же момент произнес за его спиной Аш~шад.

Он услышал звук шагов и распахивающейся двери.

– Что случилось? Ты идешь?

Лукас пришел в себя. Падение в реальность было столь резким, что он был благодарен даже за скользкий и рыхлый мицелий, кипящий под его пальцами, – хоть за что-то он мог держаться. Он *вернулся*. Навязчивое ощущение, что Корабль собирает что-то ему сказать – не решается, колеблется, получает на это добр́о по какому-то тайному каналу, – вдруг его отпустило. Всего нескольких слов на человеческом языке и нескольких секунд в человеческой компании хватило, что- бы снова увидеть Ее как есть: сгусток мицелиальных струк-

тур, глянцева́я по́верхность, блеск приборов – всего лишь машина.

– Конечно, – ответил Лукас Аш~шаду. – Минутку. Осталась одна формальность.

Он вновь вернулся к Кораблю. Выловил из памяти фразы в пятеричном коде.

«Спасибо Тебе, *Ангаёдаё*, что доставила нас на Землю. Я освобождаю Тебя от Твоих обязанностей», – написал Лукас на плазмодиальной клавиатуре. На то была веская причина. Где-то в Ее утробе заложена программа, которую перед уходом нужно выключить. Определенная фраза, на которую придет определенный ответ.

Однако Зрачок Корабля потемнел. В нем разлилась куда более насыщенная синева – цвет тоски. В синеве показался знак корабельного ёссеина.

«Не покидай меня».

Лукас вздрогнул. Плазмодий был холодным, но возникло ощущение, будто пальцы горят. Он не мог отвести глаз от символов, бегущих по синему монитору глаза.

«Ты наконец сделал это. Я так долго ждала, когда ты вновь решишься. Ты не можешь меня покинуть, Лї́жеас Лус. Я клянусь в верности и не беру слов назад. Я буду ждать тебя сколь угодно долго... так долго, пока ты не поймешь. Тебе необходима Пятерка, живая вода, Изменение. Соединись со мной. Ты принадлежишь мне. Ты избежишь опасности. Я дам тебе раёвё. Избавлю от бремени твоего тела», – писал

Лукасу Корабль. Тот воспринимал информацию так остро, будто каждый символ выжигали прямо по мозгу.

Но тут на смену темной өссенской синеве пришла смесь куда более спокойных цветов. Фомальхиванин вошел в кабину, склонился над панелью управления, и его плечи и длинные распущенные волосы закрыли Лукасу обзор.

– Ты опять болтаешь с Кораблем? – Он взял Лукаса за предплечье и посмотрел ему в глаза. – Лукас?.. Ты меня слышишь? Что-то не так?

Лукас вновь пришел в себя.

«Рэвё? Избавить от тела?!»

– Нет, – пробормотал он. – Все в порядке.

Вынув пальцы из плазмодия, Лукас одновременно освободился от хватки фомальхиванина.

– Прости, что заставил тебя ждать, Аш~шад.

Он отвернулся и не оглядываясь вышел из кабины.

Вселенная извергла его из себя, а земная действительность втянула, подняла к поверхности, но та сомкнулась, а темные глубины остались внизу – неприступные.

* * *

К

амёлёмöэрнү тоже помнила о тайных вещах. Ёссеанка в изгнании, не желающая привлекать внимание... у нее глееваринские способности, она старается их скрыть... но, прежде

всего, недавно по неосторожности причинила вред здоровью ёссенского ниндзя, что повлекло его смерть, она лишила верховную жрицу агента и при этом нарушила планы зүрёгала, церковного исполнителя еще одного верховного жреца, – в таком случае излишка осторожности быть не может. Камёлё разместила защитные сети на всех предполагаемых трассах, чтобы ничто не могло застать ее врасплох. Днем и ночью она чувствовала их на периферии сознания – натянутые паутины, невидимые дорожки, нити, звенящие от напряжения. И вот ее сеть зафиксировала толчок. Осколок информации.

На Землю пристаёт тот самый Корабль.

Камёлё как раз собиралась уходить. Она пообещала старой Ёлтаул, что на выходных поможет с мицелиальной рассадой, потому стояла перед шкафом в своей тесной квартирке на окраине ёссенского квартала и решала, достаточно ли на улице тепло, чтобы надеть на работу юбку (мини, с бахромой, расшитую бисером), или же все еще холодно и можно натянуть треники (без бахромы, без бисера, удобные, скучные). Но этот удар сверху быстро поменял ее приоритеты. Камёлё побросала одежду на пол и подбежала к окну. Вгляделась в непроницаемое, непостижимое небо.

«Значит, Лүкеас Лусу удалось. Среди д-альфийцев на базе Деймоса он отыскал чужака с Фомальхивы. Убедил его улететь вместе с ним. Тайком провел на Корабль. И так же тайком провез на Землю».

Был субботний безоблачный, почти весенний день, ничего не предвещало беды – но Камёлё обдало холодом.

Нужно узнать больше. Плавным движением она села на пятки и закрыла глаза. На выдохе ее глееваринское сознание проникло в протонацию.

«Лўкеас Лус, так близко: его вытянутое бледное лицо в полутьме каюты, гладкие черные волосы, герданский шелк одежды... холодная элегантность, холодное сознание змеи – осколок льда в объятиях тьмы». Лицо было более бледным и угловатым, чем то, которое она когда-то знала: лицо умирающего – все еще молодое, но отмеченное глубокими морщинами на лбу и вокруг рта. Невозможно пережить подобное так, чтобы это не отразилось в глазах. Из глаз Лукаса, из самой глубины, смотрела усталость от всех безнадежных битв. Он терпел боль – часто. И хотя улыбался, выражение его лица не могло этого утаить.

Камёлё вздрогнула. Отвела взгляд от Лукаса и осмотрела Корабль. «Частная яхта по имени *Ангаёдаё*. Прибытие без лишнего шума». Молодой пилот индийского происхождения проводил формальный контроль. Корабль выпустил нити мицелия, установил обмен веществами с доком и начал их поглощать. «Фомальхиванин». Он на мгновение показался в двери. Его внимательный взгляд скользил по сотовидному доку и по зданиям космодрома, скрывающим горизонт. Затем Аш~шад обратил глаза к небу, мимолетно, украдкой, с недоверием. Но тут же ухмыльнулся, покачал головой и

вновь исчез в Корабле.

В протонации тишина. Призрачное, мертвенное спокойствие.

Ногти Камёлё впились в ладони. Странная улыбка Аш~шада стояла у нее перед глазами. Предостережение. Угроза. «Неужели фомальхиванин так глуп? – думала она. – Он позволил обвести себя вокруг пальца? Или же все совсем наоборот, и он знает гораздо больше... чем я?!»

Камёлё напугалась. Она решила осторожно отступать. Выбираясь из своих сетей, она напоминала человека, пятащегося в темноте собственной комнаты и пытающегося не наткнуться на мебель... но едва она приблизилась к двери – образно выражаясь, – как тут же из нее – буквально – вышли эти двое. Они показались из Корабля и по приставной лестнице сошли на площадку.

Неожиданная атака.

Небо озарил блеск змеиного языка, раздвоенная молния. Камёлё заметила ловушку над головой фомальхиванина, раскрывающийся веер. Она ожидала, что Аш~шад с Фомальхивы отскочит в сторону, займет оборонительную позицию и попытается отвести удар, но тот даже не поднял головы. Возможно, даже не заметил ничего необычного. А через мгновение уже и нечего было замечать. Атака развернулась в неожиданном направлении.

Задела сети Камёлё.

У нее зазвенело в ушах; и, хотя физически Камёлё нахо-

дилась во многих милях от места происшествия, порыв силы был таким мощным, что поднял ее в воздух и швырнул на пол. Эффект напоминал горение фосфора. Камёлё заскулила и свернулась калачиком. Падая, она инстинктивно подала своей сети импульс. Нити, принесшие ей информацию, после прибытия Корабля вернулись в состояние спокойствия – они так удачно сливались с окружением, что далеко не каждый мог их заметить, при этом растянуты они были над всем космодромом, готовые принимать ее глееваринские приказы. Сейчас же в одно мгновение нити натянулись и напряглись от порыва силы. Они отразили атаку: лезвие прошло по лезвию.

Шок. Миг хаоса. Нападающий колеблется.

Кто бы то ни был, он не ожидал, что хозяйка сети отреагирует так быстро. Энергия атаки бесцельно разлилась в пространстве, словно вода, что брызнет и стекает по стене. Кроме того, змеиный язык поблек и исчез.

Это было одно лишь мгновение. На космодроме обошлось без световых эффектов и звуков. Фомальхиванин даже не обернулся. Не стал оглядываться и выяснять, что происходит над его головой. Более того, он даже не замедлил шага.

Камёлё выдохнула, потрясенная. Она убедилась, что всё позади, и медленно ослабила свою сеть. «Рё Аккүтликс, вот это самообладание, – думала она, не веря своим глазам. – Или этот парень даже не в курсе, что это был вопрос жизни и смерти».

Глеевари рассмеялась. «Лучшая шутка вечера!»

Лус был уверен, что фомальхиванин обладает исключительными глееваринскими способностями. Он сделал бы все, чтобы объединиться с ним, ведь ему нужна сила фомальхиванина. Но ведь и Лус может дать маху. Глядя на фомальхиванина – на его молодое и загорелое, но некрасивое лицо, на чрезмерно мускулистое тело и слишком широкие плечи, обтянутые тесной рубашкой, наконец, на его вульгарные, кричаще желто-золотые волосы до середины спины, – Камёлё без труда могла себе представить, что на самом деле он – надутый идиот, который только и может, что покупать перекус и продавать дешевые трюки.

С другой стороны, стоило учесть, что покусившийся на жизнь фомальхиванина также верит в его способности. Видит в нем угрозу. Иначе едва ли бы он стал себя утруждать.

Шок после атаки начинал отпускать. Желудок сводило, но на такую роскошь, как тошнота, у Камёлё не было времени. Она оценивала ситуацию. Скорее всего, в ближайшем будущем фомальхиванину ничто не угрожает. В протонации Камёлё увидела, как он вместе с Лусом покинул мостки, смешался с толпой в главном коридоре и направился к выходу. Атаки среди толпы людей можно не ожидать.

Вот только проблема теперь появилась у Камёлё. Ее реакция во время атаки была инстинктивной – она натянула веревку, будто человек, вздрогнувший от страха и схватившийся за спасательный канат. Остались следы. Станет ли

кто-то их изучать? Выяснить, кому сеть принадлежала? Пока этот кто-то исчез из протонации и не оставил после себя ни одного отпечатка. И все же Камёлё знала, кто это был. Кто это должен быть.

Зүрёгал. Öссенский исполнитель – человек с широкими полномочиями, действующий по поручению одного из верховных жрецов Церкви. Детектив, судья, идеолог, палач.

Хотела она того или нет, Камёлё была замешана.

Зүрёгал вился вокруг Луса уже несколько недель. Пытался помешать ему встретиться с фомальхиванином. Заметив его впервые около месяца назад, Камёлё задумалась, не обратиться ли ей к нему и не попытаться ли с его помощью добиться того, чтобы церковный собор на Öссе вновь открыл ее дело и отменил ссылку на Землю. Но об этой идее пришлось быстро забыть. Она вмешалась в ведение допроса и попыталась спасти священника, осужденного зүрёгалом на смерть, – чем и настроила зүрёгала против себя. Стараясь избежать подозрений, она навлекла на зүрёгала гнев Маёвёнё, земной верховной жрицы. Этого хватило, чтобы в его глазах стать врагом. Все это время она надеялась, что зүрёгал настолько утомлен допросами, убийствами, пытками и прочими рабочими обязанностями, что пункт «отомстить Камёлёмöэрнү» в его дневнике окажется где-то в самом конце списка. А теперь она нарушила его планы в третий раз. Будто поставила цель – не дать ему о себе забыть.

Ситуация не радужная. И выбраться будет сложно. Сле-

ди за Лусом сама Камёлё, на ее пути постоянно будет возникать зүрёгал. Остается лишь надеяться, что ему не удастся ее идентифицировать. Что он будет считать ее агентом верховной жрицы Маёвёнё – как сама Маёвёнё считает ее агентом зүрёгала. Может, эти двое разберутся между собой и обойдутся без нее. Но лучше всего – не дать себя найти.

В экстрасенсорной сфере все оставалось удушающе неподвижным – ни намек на применение силы. Камёлё чувствовала подвох, но дальше ждать было нельзя. Дальше будет только хуже. Она принялась за зачистку. Рвала нити, пока от них не оставались лишь бледные следы, и пыталась развеять их в пространстве. Камёлё почти выбралась. Если зүрёгал до этого момента ее не схватил, наверное... наверное, ей удастся...

«Вот где ты прячешься!» – рявкнул в этот момент өссенский голос в ее голове. Волна, будто плавник, рассекает воду. Плеск и водоворот. Слова в мыслях.

Камёлё попятилась и сжалась. Она пыталась не давать вторгшемуся ни намек, который помог бы ему опознать ее и впоследствии допросить с пристрастием. Но о глееваринской *невидимости* речи уже идти не могло. Она чувствовала. Мысли зүрёгала были направлены прямо на нее. Он проби-вал себе дорогу к ней. Смотрел на нее сквозь все завесы... сквозь гущу глееваринских иллюзий... сквозь стену дыма и сквозь туман. Словно порыв обжигающего ветра пустыни, ее вдруг настигла его ярость.

«Да кто ты такая? – полоснул Камёлё резкий вопрос. – Зачем ты мне мешаешь?!»

Ее охватила паника. Как ему удалось так точно определить цель? Камёлё строила вокруг себя оборонные стены, замутила протонацию и пыталась исчезнуть из его поля зрения, но он подбирался все ближе и ближе. Его невозможно было сбить с толку. И, увидев неизбежное, необратимое приближение, она вдруг поняла.

У зүрэгала есть ее вольт. Личная вещь, принадлежащая ей, связанная с ней.

Все это время Камёлё боялась, что подобное может произойти, ведь именно такую вещь она однажды потеряла. Ее первая встреча с зүрэгалом закончилась погоней по крышам. Перед тем как начать взбираться по стенам храма, ей пришлось снять обувь – а потом уже не было возможности вовремя забрать ее. Она вернулась за ней через пару часов, когда все утихло. Из-за такого баракла ей пришлось устроить целую экспедицию, изнуряющую и рискованную, включающую выполнение разнообразных акробатических трюков и разбрасывание пятен в протонации, будто зерен для голубей. Но обуви не было. Камёлё не решилась заглядывать в протонацию и выяснять, что случилось. Может, ее так быстро убрала клининговая компания. Может, нашелся бездомный, недостаточно уважающий свои ноги или же настолько желающий заняться спортом, что забрал ее растоптанные шиповки себе. А может, не было никакого счастливого случая и ее

обувь действительно унес зүрэгал, осматривая по привычке окрестности после ее побега, как и положено ему по службе. Ну, теперь все было ясно. У него была ее визитка. *Туфелька Золушки.*

Вольт – серьезное оружие. Он дает преследователю отпечаток личности. Сообщает о всех намерениях. Камёлё допустила и куда более страшную перспективу. *Зүрэгал мог знать о ее сети над космодромом все это время. И на самом деле атаковал не фомальхиванина.* Несколько дней назад она убила при самообороне глееварина верховной жрицы Маёвёнё, посчитавшего ее помощницей зүрэгала. Камёлё оставила на теле знак зүрэгала, чтобы отвести от себя подозрение. Если зүрэгал смог узнать, что это она повесила на него убийство, он вполне может быть на нее немного зол. Однако с нападением он временно до прибытия Корабля с фомальхиванином, но лишь для того, чтобы быть уверенным, что его таинственная противница будет в этот момент подключена к собственной сети. *Он хочет избавиться от нее.*

Камёлё не стала ждать, пока он подберется еще ближе. Она отключилась от протонации. В ней осталось столько запутанных следов, что зүрэгал вычислит ее личность в течение нескольких минут, – это было очевидно; однако, останься она погруженной в экстрасенсорную сферу, он добрался бы до нее за пару секунд. Речь шла о времени. *О жизни.*

Глеевари окинула взглядом квартиру. Сюда она уже не вернется. Как только зүрэгал раскроет ее личность, ему ста-

нет известен и адрес. В чемоданчик, где обычно хранились сушеные ёссенские вещества, она бросила деньги и пару вещей. Дилемма с одеждой решилась быстро: беглой глеевари ни к чему мини-юбки с бисером. Камёлё натянула спортивные штаны и схватила с вешалки черную кожаную куртку, после чего выбежала из дома. По дороге каждый свой шаг она стирала из протонации.

Ёссеанки Камёлёмёэрнй в этом мире не существует.

* * *

У Матери – у Ёлтаўл – был медиант.

Заглянув в заднее помещение магазинчика, Камёлё увидела только спину в ярко-зеленом пончо, но на столе перед ним лежал включенный микродовый диктофон, а в воздухе висело несколько стереокамер, так что в его профессии и умыслах сомневаться не приходилось. Из протонации удалось достать даже имя – *Джеральд Крэйг*. Он работал на престижную станцию.

Ёлтаўл улыбалась. Она незаметно скрестила пальцы в знак того, что знает о присутствии Камёлё, но паузу в речи делать не стала. Тон ее голоса был тихим, сонным. При каждом жесте, каждом плавном движении широкие рукава ее фиолетового облачения развевались вокруг костлявых рук. То тут, то там блестели ритуальные ёссенские кольца. И голова медианта медленно покачивалась в том же ритме – ту-

да-сюда, туда-сюда.

Камёлё вошла в состояние *невидимости* и осторожно пробралась к лестнице в подвал. Магази́чик Ёлтаўл с эзотерическим барахлом был первым местом, куда она направилась, убегая от зүрёгала. Она отталкивалась от того, что работает здесь, хотя сегодня стоять за прилавком времени не будет. Но тут можно раздобыть мицелиальную завесу. Глеевари хотела спуститься прямо в подвал к бочкам с мицелиальной рассадой, чтобы не слушать, как бабка обрабатывает бедного журналиста, но спасения не было.

– Цвет их может быть двойным, тройным или же четверным, – доносился до ее ушей гипнотизирующий голос Ёлтаўл. – Нижний – цвет демона Глины. А верхний – цвет ветра Всех стран света. Между ними лежит Река всех Рек и Огненное солнце...

Имена всевозможных духов, демонов и прочего магического реквизита старая обманщица, как всегда, выдумывала на ходу.

– Каждому соответствует что-то свое. Иногда необходимо четыре цвета, чтобы охватить сложную действительность; бывает же, что гармония так совершенна, что хватит и двух, так как лишние в конце концов только нарушили бы гармонию. Неповторимая комбинация в каждой бутылочке составляет предсказание. Выбранная тобой лично расскажет о тебе все. И наоборот – ее обратный эффект гармонизирует твою ауру! Решай сам.

– Но я... – пискнул паренек. Затем откашлялся. – Я бы хотел взять у вас интервью. Я пришел не для того, чтобы вы- бирать какие-то...

– Знаю, знаю, – перебила его Мать с невозмутимым спо- койствием. – У тебя совсем иное предназначение, более то- го, ты способен заглянуть в суть вещей намного глубже, чем обыкновенный человек. Но ведь и я смотрю на тебя не как на обычного клиента! Я понимаю, что ты не веришь в подобные вещи, сын мой. Никто не отнимает у тебя права на сомнения.

– Вот именно. Я... – снова попытался начать молодой че- ловек.

– Конечно, так и должно быть, – ласково прервала его Мать.

Успокаивающие движения ее ладоней сеяли тишину, словно покрывали водой все возражения.

– Проницательный рассудок всегда в плюс. От остальных я жду хотя бы крупицу веры, но тебе предоставлю эту воз- можность без каких-либо условий. Бесплатно. Стоит дать те- бе шанс составить свое мнение.

Вот и оно, главная наживка – ключевое слово, стальной крючок, спрятанный в куске сладкого теста речей. Медианты больше всего на свете хотят составить *мнение*, хотя редко оно бывает их собственным. С другой стороны – *собственных мнений* всегда был недостаток, на каждого и не хватит.

– Однако, хоть мы и подойдем к вопросу из чисто исследо- вательских побуждений, потребуется некоторая concentra-

ция, – драматически вещала *Прастарая*. – Представь, что тебя высадят на заброшенном острове. Бутылочка, которую ты выберешь, – это единственная вещь, которую ты можешь с собой взять. Ее цвета должны быть тебе так близки, чтобы ты смог прожить с ними весь остаток жизни и никогда не пожалеть о том, что не выбрал другие. Они демонстрируют твою силу и слабость. Слабость между тем необходимо принять, а ошибки необходимо видеть... ведь пока твои мысли скрыты, они получают над тобой власть. Пойми, если ты выберешь то, кем *хочешь* быть, вместо того, кем ты *являешься на самом деле*, это приведет к большому противоречию и непокою в душе. Долго так не протянешь. Подобный выбор ничего о тебе не скажет, зато постоянно будет вызывать чувство вины, пока ты сравниваешь себя со своим идеалом. Потому выбирай с умом. Выбирай так, будто от этого зависит твоя жизнь. *Выбирай со знанием, что другого шанса уже никогда не будет.*

Камёлё тихо оперлась о дверной косяк. «А у нее неплохо выходит, – думала она. – Идеальную заварила кашу, без комочков. Решится ли парень...» Но все было ясно – к сожалению. Джеральд Крэйг не лучше и не хуже остальных. Его тоже подмывает любопытство. Он не верит ни в демонов Глины, ни в дурацкие бутылочки, но в его голове все равно крутится мысль – а что, если в этом что-то есть. Он мечтает о сенсации. Мечтает о славе. Бойтся, что если не возьмет всего, что ему предлагают, то позже пожалеет. Слова *Прас-*

тарой звенят в его голове, как и в голове Камёлё: «*Другого шанса уже не будет*».

Она закрыла глаза. В темноте опущенных век она вдруг услышала саму себя, шепчущую то же самое.

«Другого шанса уже не будет, Лус. Никогда».

Ее рот скривился. *Öссе*. В воспоминаниях вился чудовищный удушающий страх – страх, который поднимался в ней тогда и медленно наполнял от кончиков пальцев ног до самого горла: страх необратимых последствий необратимых событий. *До рассвета остается час. Небо приобрело зеленоватый оттенок утра. Двое, Лїжеас Лус и Камёлёмöэрнї, – под каменным сводом задних ворот монастыря ордена Вечных Кораблей в Тёрё Міјнд, в самом центре Скіјтё... втайне.* Тогда Лукас Хильдебрандт был в том же возрасте, что и этот парень, но выбор, вставший перед ним, был несравнимо тяжелее.

Как далеко он зашел на своем пути? И как близко ему теперь... таинство Кораблей?!

Камёлё знала о темноте, пожирающей его заживо и тянущей к смерти. Его призрак вставал перед ней, его лицо она видела в каждой тени – и это уже не лицо паренька из Тёрё Мүнд, которое было ей когда-то знакомо, это ужасающая маска смерти. Ведь он до сих пор сталкивается с последствиями совершенных тогда ошибок. В конце концов, присутствие зүрёгала свидетельствует о том, что никакая гипотетическая *Река всех Рек* не смогла бесследно смыть ста-

рые события. Сама Камёлё не хотела иметь ничего общего со всем этим – ни с Кораблями, ни с зүрёгалом, ни с Лүкеас Лусом, и все равно оно снова настигло. Зүрёгал идет по ее следам. Из-за него ей придется бежать через полмира, скрываться за мицелиальными завесами, стирать следы, жить в *невидимости*...

– Я позову свою ассистентку, – объявила вдруг Мать Ёлтаўл. – Она отведет тебя к месту Выбора.

Она подняла медный колокольчик с длинной рукояткой из слоновой кости и энергично в него зазвонила.

Камёлё отступила за дверь. Она знала, что планирует старая комедиантка. Затащить бедного медиантишку в подвал и заставить выбирать обещанную бутылочку с личной комбинацией цветов в скользком влажном коридоре, полном плесени, чтобы добавить происходящему духа серьезности и приключения. Камёлё, как глеевари, в подобных ситуациях по контракту отвечала за создание атмосферы. Ожидалось, что она добавит драматургии чем-то таинственным – мерцанием свечек, телекинетическим порывом ветра или слабой ментальной атакой – чем-то, что вызовет ощущение, что не обошлось без вмешательства сверхъестественных и весьма мистических астральных сил.

Она обдумывала, как сбежать. Когда на хвосте зүрёгал, нет времени разыгрывать театр. Но в этот момент она заметила новую возможность.

«Ведь к медиантам с уважением относится и Церковь. Ко-

нечно, зүрэгэл может убить и Крэйга, но он точно не станет этого делать, не взвесив хорошенько последствий. Это не стопроцентная гарантия безопасности. Но лучше, чем бездумный – и безнадежный – побег». Так рассудила Камёлё и, прежде чем успела все обмозговать, вышла из *невидимости* и вошла в комнату, будто только что подоспела.

Паренек смотрел на нее. И наконец увидел.

На его лице отразилось удивление... затем желание... затем румянец.

Глеевари всегда умеют вызвать подобного рода расположение.

«Ты удивлен, Лус? – крутилось в голове Камёлё, пока она затягивала петлю внушения. – Мы с тобой уже никогда не встретимся. Я всегда найду способ избежать встречи! Джеральд Крэйг, может, и не совсем как ты, но он под рукой. Я ему нравлюсь. И он мне нужен. Я уйду с ним – без проблем – вот увидишь!»

Уйду с ним.

Глава вторая

Измельчение ёссенских грибов

Из квартиры повеяло холодом: отопление было выключено неделю. Всё на своих местах, что доказывал старый добрый трюк: на столе и в двух местах в книжном шкафу лежали волосинки – точно так же, как Лукас их оставил.

– Ты и правда ждешь проблем, – проронил Аш~шад.

Он задумчиво наблюдал, как Лукас осматривает свой стол.

– Ты учитывал, что на прошлой неделе кто-то мог прийти сюда вынюхивать.

– Если бы я не ждал проблем, то нашел бы тебе комфортный номер в отеле вместо того, чтобы пытаться устроить у меня в гостиной, – заверил его Лукас.

Он отнес в кухню пластиковую шкатулку, которую по дороге забрал из сейфа, включил молекулярный измельчитель отходов и натянул хирургические перчатки. После того, что с ним сделал ёссенский Корабль, он решительно не собирался прикасаться к мицелию голыми руками. Лукас осторожно выловил свой чип и аккуратно вытер его салфеткой. Остатки мицелиальной завесы, включая перчатки и шкатулку, он бросил в измельчитель. Было бы крайне безответственно смыть такой кусок мицелия в канализацию. Успешно избавившись от всех ёссенских грибов, он сел в кресло,

включил нетлог и позвонил Пинки.

В тот же миг на него обрушилось ликующее и восторженное «привет» и «слава богу».

– Ты наконец вернулся! Мне собраться и приехать? – жадно спрашивала она.

– Конечно. Но не пугайся. У меня ночует мой друг.

Пинки тут же потухла.

– Тогда... тогда в другой раз. Не хочу мешать.

Увидев ее расстроенное лицо, Лукас не смог позволить ей вот так просто остаться там, где она была. Кроме того, он в некотором смысле нуждался в ней – ему казалось важным как можно скорее познакомить фомальхиванина с максимальным количеством людей из своего окружения и обвить его тем, что так двусмысленно называется *социальной сетью*.

– Ты не помешаешь, Пинкертинка. Побудь хозяйкой. Жду тебя у нас дома, – заверил ее Лукас и отключился.

Это был лучший способ заставить Пинки сделать что-либо – чувство ответственности, решительное слово и оконченный разговор. Теперь ей ничего не остается, кроме как приехать. Ведь она никогда не осмелится перезвонить и начать с ним спорить.

И точно так же не осмелится не подчиниться.

– Милая девушка, – проронил Аш~шад с хитрой улыбкой. – Но ты не слишком-то ее ценишь.

Лукас бросил на него испепеляющий взгляд и тут же по-

звонил Софии, чтобы немного уравновесить степень уважения и неуважения. Его сестра лежала на животе на кровати, одетая лишь в трусы и футболку, и, в отличие от Пинки, ради него совершенно не потрудилась встать. Она подняла глаза от книги и нахмурилась, глядя на него.

– Ага, позвонил, значит, гадина подлая, – огрызнулась она.

– Софи, мне правда очень жаль, что я не пришел на обед, – быстро заговорил Лукас.

София ткнула в него пальцем, как Дядя Сэм на вербовочном плакате.

– Это твои проблемы, Саруман. Ты остался без отличного маринованного лосося. Хрустящего! Ароматного! С осенскими приправами, – перечисляла она с неотступным выражением лица. – Он так и таял во рту, ням!

– Как насчет повторить завтра? Завтра воскресенье.

– Завтра?! Хочешь сказать, я должна сейчас встать с кровати и пойти мариновать рыбу? Какая наглость! Ты получишь только кусок сухого хлеба!

– Я приведу гостя.

– Гость тоже получит сухой хлеб.

– Гость любит клубнику. Кроме того, с нами придет Пинки.

– Отлично. Купите пиццу и съешьте ее у меня под дверью.

– Софи, неужели я никак не могу тебя задобрить?

– Ну конечно! Жду витиеватых извинений на корабель-

ном öссеине, девять белых роз и миску твоей крови.

– Бутылочки суррö не хватит? – со смехом предложил Лукас.

– Хорошо, – сдалась София. – Извинение, цветы и суррö.

– *Да смилостивятся небеса, да смягчится твой взгляд, полный злобы, о София, Высшая из Высших...* – Лукас начал с небольшими поправками чувственно цитировать «Третий псалом кающихся».

София подперла подбородок рукой и с улыбкой его слушала.

– Лукас, я просто обожаю, когда ты говоришь на öссеине, – сказала она после второго четверостишия. – Эти твои певучие дифтонги... идеальное ударение... а это прекрасное дрожащее öссенское «р»!

– Там еще сорок восемь строф, – заверил ее Лукас. – Через пару минут будешь меня на коленях просить, чтобы больше не слышать этого дрожащего «р».

– Сдаюсь! Об этом не подумала! – застонала София. – Так и быть, ты прощен и без цветов.

В ее глазах еще искрился смех, но улыбка угасала.

– Да, приходите все. Ровно в час. Я неделю назад говорила с Пинки, так что лосось уже замаринован, – добавила она. – Я рада, что ты вернулся без происшествий, Лус.

Лукас ухмыльнулся. Они с Софией во многом понимали друг друга без слов. Он совершенно точно знал, что София ждет подробностей о поездке. Но также он знал, что в откры-

тую она об этом не спросит.

– Тогда до завтра, – пообещал он.

– Хм. – София закусила губу. – Кстати... Этот ваш Совет – то еще заведение! Представь себе, по стереовидению спросили Стэффорда, правда ли, что на Д-альфе есть люди с экстрасенсорными способностями! Разве не смешно верить в такое в наше время?

Лукас молниеносно сориентировался.

– Люди уже не знают, что выдумать, – рассмеялся он. – И что же он ответил?

– Что ничего не знает.

– Стоило ожидать. Стэффорд в такие вещи не верит. Слушай, Софи... мне взять синее или белое суррö?

– Выбери сам. Это ты знаток öссенской кухни!

София махнула рукой на прощание и завершила разговор.

Лукас уткнулся лицом в ладони и закрыл глаза. «Так они всё пронюхали. Жуки проклятые! Все не так просто, кто-то им сообщил, и этот кто-то заинтересуется Аш~шадом. Спасибо за предостережение, Софи». Он мысленно всех проклинал.

Вдруг Аш~шад прервал поток его размышлений – и, к удивлению, спросил не о медиантах.

– Сколько их у тебя?

Лукас поднял голову.

– Чего?

– Женщин.

– Всего одна. Это была моя сестра.

Аш~шад посмотрел на него с удивлением.

– Что? Сестра? Наверное, сводная? – решил он убедиться.

Лукас рассмеялся.

– Я ее знаю тридцать пять лет, с ума она меня давно сводит!

Аш~шад взял его за запястье и посмотрел на дисплей нетлога, где еще остался последний кадр с лицом Софии.

– Она совсем на тебя не похожа. У нее совершенно другие глаза.

– Вся в мать. Зато я... – Лукас сглотнул.

Фраза, которую он должен был произнести, застряла в горле.

– Я очень похож на отца.

Аш~шад пристально смотрел на него. И не отпускал запястья. Хватка становилась все крепче.

– Лукас... Твой отец...

– ...в таком случае выглядел в точности как я – это логическая связь эквивалентности, – заверил его Лукас и вырвал руку.

Он переключил нетлог на большой экран, и лицо Софии появилось на телестене, так что фомальхиванин больше не имел повода хвататься за его запястье. Лукас бросил нетлог на стол и отправился на кухню, чтобы поставить чайник.

На всякий случай он прошелся по полке с өссенскими запасами, хотя прекрасно знал, что ничего достаточно мощно-

го там не найдет – ни идиотского гёмершаула, ни тем более лаёгюра или öкрё. *Жаль*. Или, лучше сказать, *к счастью*. Хотя шел уже четвертый день, Лукас до сих пор не избавился от неприятного внутреннего трепета и неопределенной досады. Конечно... по сравнению с тем, что он переживал во времена старого профессора, когда регулярные дозы öссенских грибов были в привычке, эти небольшие неудобства выглядели смешно – но похмелье всегда затягивается. Лукас мысленно в сто пятидесятый раз проклял öссенский Корабль, который своим грибным коктейлем разрушил его метаболизм, но стиснул зубы и выбрал приятный желтый наршаул, легкий вечерний напиток без каких-либо стимулирующих, галлюциногенных, наркотических или иначе действующих эффектов.

Когда Лукас вернулся в комнату, улыбка Софии с телестены пропала.

На него смотрели полные ужаса глаза Роберта Трэвиса.

* * *

Н

а здании «Спенсер АртиСатс» светились во тьме гигантские экраны телестен, непрерывно показывающих рекламу. Им составлял компанию свет одного окна.

– Господин Хильдебрандт? Директор вас ожидает, – сообщил швейцар, считавший код с нетлога Лукаса и наконец

открывший дверь безопасности.

Лукас проскользнул внутрь. На мгновение он задумался, какова вероятность, что Зүрёгал скрывается в одном из темных коридоров между проходной и офисом Трэвиса. Затем он раздумывал, стоит ли рисковать подъемом по лестнице или застрять в лифте по тщательно заготовленному кем-то плану. Но в целом дело того не стоило. Подобные вопросы решаются иначе. Зүрёгалу не нужно гоняться за ним по коридорам – когда ему потребуется, он просто *заставит* Лукаса найти себя. В определенных условиях можно подчиниться насилию по собственному желанию – особенно если за тобой долг. Только Роберт Трэвис представляет себе сложившуюся ситуацию как фильм о мафии.

До этого лицо директора Спенсеров в нетлоге было совершенно зеленым, зубы у него стучали. Однако Лукас не верил, что ему грозит опасность от рук ёссеан. Конечно, он знал, что может случиться, если они придут за ним. Посадят в его собственное пафосное кресло. Даже не придется связывать ему руки, он все равно не сможет дать отпор. Очки и линзы с него снимут. А потом будет плохо. Но Лукас сомневался, что все пойдет слишком далеко. Зүрёгал не дурак, он должен знать, что о полете на Марс Трэвису ничего не известно. А если и не знает, то узнает после первого же вопроса. Немного неудобства и какое-нибудь миленькое трёйгрү, быть может, будут Трэвису даже на пользу – по крайней мере, избавят его от лишних иллюзий. Он не выдаст ничего, что повредило бы

ему лично, ведь он ничего не знает. Не стоит опасаться и какого-либо весомого физического ущерба.

Они не станут ему вредить. Он сдастся гораздо, гораздо быстрее.

Роберт Трэвис стоял в двери и выглядывал в коридор.

– Наконец-то! Люк... Господи, как хорошо, что ты здесь! – пискнул он.

Выбежав ему навстречу, он взволнованно схватил Лукаса за руку и потащил через офис секретарши в свою директорскую берлогу.

– Оссеане! Люк, они идут за мной!

Лукас бросил на него испепеляющий взгляд.

– Быть не может! – сказал он с холодной усмешкой.

Трэвис выглядел обиженным. Но это помогло. Может, он дважды не отличился смелостью, но доля ума в нем нашлась – подобной пощечины ему хватило. Он резко перестал тереть рукав Лукаса и собрал остатки достоинства.

– Я не преувеличиваю! Нужно уметь распознавать настоящую опасность, – возразил он упрямо.

С горьким торжеством он указал на глиняные дощечки, вывешенные вокруг его ценнейшей оссенской мандалы.

– Ты сам прочитай. Может, ты помнишь, что здесь было раньше. До вчерашнего вечера все так и оставалось! Но сегодня утром, когда я тут с... хм, зашел кое за чем... я нашел это.

Лукас обвел глазами весь круг. Надписи действительно

кто-то поменял, но совершенно не в том духе, в котором прежде собирался он сам. Вместо «покорно благодарим» было «уста Аккүтликсовы в гневе будут пить», приветливое «смиритесь и нас простите» изменилось в угрожающее «будь проклят до дна темноты», а из изначального «дайте же свои тела» вышло «навсегда мы поглотим твою душу». И, конечно, в создавшейся логике знак «дар» был заменен знаком «кровь». Лукас вздохнул. *«Существо низшего мира, навсегда мы поглотим твою душу и жизнь – так сила наша возрастет и голод будет утолен, будь проклят до дна темноты! Уста Аккүтликсовы в гневе будут пить кровь твою»*. Стоило признать, это совсем не успокаивало.

С другой стороны – напечатанные на глиняных дощечках надписи не выражают тонких оттенков значения. Угроза, сложенная из полуфабрикатов, едва ли может отразить истинные замыслы и планы – что уж говорить о точной степени недовольства. Будь то офис и мандала Лукаса, он бы скорее махнул рукой и подождал, пока заинтересованные его душой, жизнью и кровью сообщат о гневе Аккүтликса что-нибудь конкретное. Но сейчас рядом с ним стоял Трэвис и вновь умоляюще хватал его за рукав дрожащими пальцами.

Трэвис, с непостижимым доверием одолживший ему свой корабль. Трэвис, теперь со столь же непостижимым доверием ожидающий, что в огне апокалипсиса разверзнутся небеса.

Явится стальная пасть Насекомьего бога.

Опустится вниз, будто люстра.

И откусит ему голову.

– Что... что ты об этом думаешь, Люк? – взволнованно повторял Трэвис. – Что, по-твоему, мне делать?

Лукас ухмыльнулся. «Послать ёссеан за мной, если они сами не найдут, Боб!» Если говорить без прикрас: главная гарантия безопасности для Роберта Трэвиса состояла в том, что для ёссеан он – полный ноль. Это был настоящий вызов для любого дипломата, ведь чтобы сообщить нечто подобное человеку со столь раздутым эго, потребуется особый такт; однако Лукас рассудил, что в целях сохранения хороших отношений со «Спенсер АртиСатс» самым тактичным выходом будет полное отсутствие презентации собственных взглядов.

– Для начала одна мелочь, – только и сказал он. – Поверни их обратно.

– Что?! – вскрикнул Трэвис. – Но я не могу! Люк, ты не понимаешь. Это сделали *ёссеане!* Они были *здесь!* Они пытаются на что-то... *намекнуть!*

– Намекнуть?! – рассмеялся Лукас. – Называй вещи своими именами, Боб. Они просто тебе угрожают. Ну и что? *Просто поверни обратно.*

– Повернуть... эти глиняные...

– Ага. Дощечки. Вокруг своей оси. Хотя бы так, как было раньше, – если только ты не выдумаешь что-нибудь повеселее.

Роберт Трэвис поднял трясущуюся руку. Очевидно, он искренне старался прислушаться к совету своего гуру: впился глазами в один из дисков, протянул руку, почти... Однако, видимо, в воздухе была некая невидимая граница, которую его рука не могла преодолеть – несколько мгновений она нервно тряслась у ближайшей глиняной дощечки, будто натыкалась на стекло, после чего вторая перехватила ее и опустила обратно в жесте полной беспомощности. Опуская руки, он почти незаметно коснулся пальцами мицелиальной поверхности мандалы.

– Я боюсь, – выдавил из себя Трэвис. – Я не смогу. Люк, если ты думаешь, что это поможет... пожалуйста... пожалуйста, сделай ты.

– Я не думаю, что это поможет! – отрезал Лукас.

Его раздражала бесхребетная мягкость, которую он чувствовал в Трэвисе... если не говорить прямо – *трусость*, – а также невольная иррациональность человека, смеющегося над богами и в то же время трясущегося от ужаса перед лицом магии. О чем Трэвис вообще думал? Что, поверни он пару глиняных дощечек, прибитых к стене, пробудится великое волшебство?

– Это кусок глины, Боб, – *не что иное, как кусок обычной дешевой керамической глины!* Никакой это не голос божий! Смена надписи ничем не поможет. Это лишь выведет öссеан из себя, если они увидят, не больше. Я не стану делать этого вместо тебя. Почему я должен их провоцировать и нести

ответственность?

Трэвис выглядел совсем растерянно.

– Тогда почему... почему ты меня заставляешь... – пискнул он.

– Потому что я хочу видеть, как это сделаешь ты! – бросил Лукас ему в лицо.

Он больше не мог сдерживать свою язвительность.

– Дело все в том же, Боб, – как и несколько лет назад, когда ты не согласился с моим отцом. Я думал, если ты найдешь в себе смелость на сопротивление, то сможешь дать им отпор. Если бы ты повернул все обратно, было бы хорошо. Если бы ты выложил новую оскорбительную надпись – было бы еще лучше. А если бы ты сорвал дощечки со стены, бросил их в мусорное ведро и просто сказал бы мне, чтобы я шел куда подальше с такими глупостями, – у тебя бы даже была надежда!

Лицо Роберта Трэвиса разваливалось. Разваливалось на черты, скривленные ужасом, и на черты, скривленные отчаянием, на куски и кусочки, на румянец и трепет. Лукас видел лишь слезы на глазах – ничего больше, так как был не настолько жестоким, чтобы наблюдать за разрушением до конца. Он сунул руки в карманы и отвернулся к окну.

Он не мог понять. Честно говоря, ощущение неуместности было так сильно, что Лукас чувствовал, будто находится в каком-то призрачном сне. «Рё Аккүтликс, почему он мне столько позволяет? Почему не обвинит меня, наконец? –

возмущался он в мыслях снова и снова. – Почему хотя бы не спросит?» При разговоре по нетлогу не прозвучало ни одного упоминания о Корабле, что было вполне логичной осторожностью; но столь же логичный Лукас ожидал, что, едва он перешагнет порог, Трэвис в тот же миг начнет осыпать его упреками и будет ждать подробных объяснений. Ведь он должен осознавать, что резкое недовольство öссеан как-то связано с этой поездкой! Все инстинкты Лукаса предостерегали не начинать говорить об этом первым, хотя, конечно, он был готов к череде обвинений. Он ждал их. Готовился отражать всеми силами своего ума, так как лишь от того, каким образом Лукас преподнесет ситуацию, зависит последующая благодарность или же ненависть Трэвиса. Перепалки не избежать!

Однако Трэвис не спрашивал, что произошло с Кораблем. Не спрашивал, *за что* именно он должен отплатить Аккүтликсу собственной кровью. Он плакал у Лукаса на плече и хватал его за рукав вместо того, чтобы осыпать ругательствами. Лишь сейчас Лукас начинал допускать, что уважение Трэвиса к его персоне, очевидно, так велико, что он просто *не решается* спросить.

Неловко.

И в то же время хитро.

Если бы Трэвис начал его упрекать, Лукас бы с легкостью ему возразил, однако вместо этого он смотрел на него снизу вверх, словно перед ним стоял бог. Его отчаянная, жалобная

беспомощность была утомительна.

– Люк... они... они меня убьют, – всхлипывал Трэвис за его спиной.

Лукас закатил глаза. «Конечно, а поскольку твоя жизнь имеет для человечества неизмеримую цену, это будет серьезная потеря».

– Неужели ты настолько их раздосадовал?

– Ты... думаешь, что нет?

Лукас стиснул зубы.

– Слушай, Боб. Сядь в кресло. Если тебе поможет, выпей таблетку от нервов. Или выпей еще чего. Что угодно, главное, перестань ныть. Я скажу тебе, что, по моему мнению, они сделают, а потом ты оценишь ситуацию. Всегда можно найти выход.

На самом деле он решительно не считал, что выход можно найти из любой ситуации; однако от роли гуру для зареванного Трэвиса убежать было нельзя. «Как ты прекрасно знаешь, то, что с ним происходит, происходит исключительно из-за тебя, – усмехнулось его сознание. – И справиться с этим он не может. В нем нет и миллиграмма смелости».

Чувство вины на мгновение стало таким сильным, что Лукасу страшно захотелось сказать Трэвису о фомальхиванине хотя бы вскользь. Однако свой выбор он уже сделал – в тот момент, когда выклянчил у него Корабль и не упомянул, что дело, для которого Она, *Ангаёдаё*, была нужна, влечет за собой некоторые риски. Не посвятив Роберта Трэвиса в

дело тогда, Лукас не имел права делать этого и сейчас, так как знание всех связей лишь навредит ему перед лицом Оссеан. Грехи Лукаса Хильдебрандта однажды тоже останутся без отпущения. Угрызения совести – и желаемое избавление от них – не являются веской причиной принимать Трэвиса в свою команду.

Большой босс Спенсеров направился к бару. Налил себе стопочку водки и жестом предложил Лукасу присоединиться. Лукас помотал головой. Вместо того чтобы выпить стопку залпом, Трэвис лишь сделал маленький глоток – лучшее доказательство, что это *не то* лекарство, к которому он обращается в тяжелые моменты. То есть он лишь послушно делал то, что было приказано. Затем он так же послушно направился к столу и усадил свое огромное тело в огромное кресло. «Ах вот оно что – когда ему страшно, он скорее выедает холодильник, а не спивается; как я сразу не понял! – подумал Лукас с ухмылкой. – Надо было принести ему зелья с луком». Трэвис почти терялся в кресле – хороший пример того, как даже огромное тело уменьшается, когда горбишься. С мебелью такого не происходит. Теперь было особенно хорошо видно, что трон Трэвиса для него самого *слишком* большой.

Лукас подошел к нему.

– Если быть честным, я не верю, что они сюда вернуться, Боб, – проговорил он самым успокаивающим из всех своих успокаивающих тонов. – Это психологический трюк. Они

сделали это, чтобы пощекотать тебе нервы. Даже йосеане не могут позволить себе все, тем более по отношению к человеку в твоём положении. Никаких так называемых *открытых действий*. Иначе был бы страшный скандал.

Трэвис кивнул. Затем наклонил голову и начал рассматривать свои ногти – кончики его пальцев были пожелтевшими, будто от сигарет.

– Верно... – пробормотал он. – Определённое направление мыслей в отношении... наверное... его хватит, да? В такой ситуации... с такими мыслями... Понимаешь, это заставляет невольно... желать...

Он осекся.

– Я хочу сказать – да, наверное, ты прав, Люк, – быстро закончил он. – Я тоже думаю, что они не вернуться.

Лукас молча смотрел на его сгорбленные плечи. «*Страх отпускает, наступает смирение*», – пронеслось в его голове. Предостерегающая искра из темноты, эхо неясного воспоминания. В тоне Трэвиса было нечто, отчего по спине у Лукаса прошёл холодок. Нечто, что провоцировало все его инстинкты. Непроизвольный приступ ужаса. Совершенно неопределённый. Но неоспоримый.

В этот момент Трэвис поднял на него глаза.

– Люк, как ты думаешь... то есть как бы... думаешь, я все правильно истолковал? – взволнованно спросил он. – Я постоянно об этом думаю, но... но все это так странно.

Из него брызнул неестественный смех.

– Понимаешь, так можно потерять рассудок. Ты был на Ёссе. Ты все это видел. Скажи мне честно. Прошу тебя.

Очередная отчаянная просьба о совете, очередная необходимость дать авторитарное наставление; но зачем? «Что-то я здесь упускаю, – понял Лукас. – Господи. Это что-то очевидное».

Он посмотрел вблизи в глаза Трэвиса. Страх в нем быстро нарастал и замораживал его, словно распространяющийся газ, пока не достиг объема ледяной уверенности. Лукас вдруг увидел и незаметные признаки: секундное расширение зрачков... кроме того, едва уловимая неменяемость в вытращенных глазах, которая не могла быть вызвана обычным страхом или прочими движениями мысли. Одно лишь мгновение.

Лукас ругал самого себя. «И я все это время размышляю в духе фильмов о мафии: банда ёссеан, угрозы, допросы... какая ерунда! Тут все это время был скрыт совсем другой фильм. Рё Аккүтликс! Я идиот.

Конечно, ёссеане не вернуться! Зачем?

Им это уже не нужно.

Дело сделано».

– Ты должен бороться, Боб! – резко выпалил он. – Это не *твое личное* решение, пойми!

Но, произнося эти слова, он уже осознавал горькую иронию ситуации. Даже если бы он каким-то чудом выбил из Роберта Трэвиса хоть каплю упорства, решение уже не бу-

дет личным. Приказ ѓссеан заменит приказ Лукаса Хильдебрандта. Неужели можно одолжить кому-то свою волю как носовой платок?

Каждый должен пробиваться сам.

Трэвис уткнулся лицом в ладони.

– Может, все не дойдет... до крайности? – пискнул он.

Его голос звучал неестественно высоко.

– И не надейся. Ты должен оборвать все прямо сейчас. Без жалости.

Трэвис не отвечал. Лукас с невольным ужасом смотрел, как его пальцы сползают по лицу. Сползают по губам.

Вдруг Трэвис резко засунул их в рот.

И начал дико сосать. В то же время по его лицу разливался румянец; может, он и не мог остановиться, но все же в нем оставались крупницы вменяемости, чтобы осознать, что делает. Пытаясь скрыть все это, он наклонялся головой к столу. Лукаса передернуло. «Эти желтые пальцы, – думал он. – Как он справляется с такими ногтями? Непоследовательно, Лус, – ты утверждаешь, что нужно оборвать все прямо сейчас, но не останавливаешь его. Ты не хочешь бороться с фигурой с такой сильной инерцией – то-то и оно! Чисто прагматически ты надеешься, что после с ним будет проще обходиться.

Рё Аккүтликс!

Это адски тяжело».

Трэвис неожиданно пришел в себя. Отер рукавом пот со

лба и с усилием встал.

– И все равно странно, правда? – Он с грустью рассмеялся и обшлюнявленной рукой схватил Лукаса за локоть. – Они... они... они видят в этом жертву, – затараторил он. – Я бы сказал, это почетно. Они так это воспринимают, правда? Но... но мне так страшно. – Его глаза резко метнулись к стене у двери. – Думаешь... думаешь... думаешь, они правда хотят, чтобы я... Может... может, хватило бы, если бы я... – Трэвис замолк в ужасе. – Если бы я отдал немного крови добровольно?

– Это лишь твои представления, – резко прикрикнул на него Лукас. – Послушай меня внимательно, Боб. *Ни в коем случае не трогай мандалу.*

Трэвис уставился на него. Он не осмелился с ним спорить, но несогласие душило его: он смотрел раненым, обиженным взглядом мальчика, которому родители только что сказали, что его любимая машинка – ржавое барахло на выброс. Губы Лукаса скривились.

Да чего он вообще добивается? Лукас прекрасно знал, что его совет был излишним. Совершенно правильным и в то же время совершенно бесполезным. Трэвис, конечно же, уже сделал это. Тотчас. Утром пришел в свой офис, хотя была суббота. Зачем? Он просидел там весь день вместо того, чтобы провести выходной в каком-нибудь более приятном месте. Он стоял перед мандалой и водил по ней руками. Раздирал ее ногтями. Может, даже положил ее на стол и уткнулся

в нее лицом... лежал долго, мечтательно... но ему все равно показалось это немного неприличным, потому он вернул ее на стену, прежде чем звонить.

Неважно.

Он снова ее снимет.

Лукас видел, как Трэвис ошивается вокруг и бросает украдкой взгляд на стену возле двери, столь же незаметный, как начинающий воришка в супермаркете. Он крепко взял его за плечи и повернул к себе.

– У меня к тебе предложение, Боб. Это будет эксперимент, – начал он осторожно. – От тебя потребуется некая доля самопожертвования, но я верю, что если ты хотя бы немного мне доверяешь, то найдешь в себе достаточно сил. Мы завернем эту штуку в кусок ткани и запрем ее в сейф. Вместе. Спрячем ее с глаз долой. У тебя ведь есть сейф?

Трэвис взвизгнул и резко вырвался. Он вдруг бросился к стене. Как кит, наткнувшийся на скалу, его толстые ладони шлепнули по поверхности мицелиального рельефа и буквально присосались к нему. За руками на мандалу легло и его лицо.

Лукас отвернулся. На подобное лучше не смотреть. За спиной он слышал вздохи и неясные чавкающие звуки – по ним он мог бы предположить, что на телестене включено порно. От этой ассоциации его чуть не затошнило.

Он сунул руки в карманы и начал вышагивать по офису. Ему никак не приходило в голову, что он может сделать. Что

может сказать.

На самом деле больше всего ему хотелось сбежать.

Трэвис просидит здесь всю ночь. И все воскресенье. И следующую ночь. С руками на мандале. С мандалой на жирном животе. С локтями на ковре. С мандалой под собой. Не сдержится и лизнет ее. Сам не зная зачем. Неуверенно засмеется – он не понимает, что его так притягивает. Попробует пожевать тонкий край из сушеных грибов. Легонько. Потом больше. Час за часом, но не сможет остановиться. Абсурд! Он все еще не понимает. Рот не воспринимает вкус, и он прокусит язык. Вновь легонько. Немного. Осторожно. Потом все больше и больше. Пальцы деревенеют, он чувствует зуд в ногах и ладонях. У него эрекция. Кратковременные судороги. Он боится боли, но искушение велико. Кроме того... настоящая боль не приходит, это лишь слабые мурашки в местах, где она должна быть. Чешуйки с рельефа остаются у него под ногтями. Мало! Не хватает! Еще, еще больше! Он раздирает себе руки. Затем раздирает грудь. Затем живот и половые органы. Как на терке. Как при совокуплении. Туда-сюда, в диком припадке. В порывах оглушительного наслаждения кожа рвется о поверхность мандалы... легко и просто, будто облупляющийся от жара лак.

Кровь впитывается в волокна гриба.

Волокна гриба – в кровь.

Звуки утихли. Трэвис опирался о стену и избегал взгляда Лукаса, его лицо выражало смущенное удовлетворение – так

выглядит человек, застигнутый по пути из борделя утром. Однако не казалось, что, кроме гордости, он что-то потерял. «Стоит ли оно того? Стоит ли того *он*? – хмуро думал Лукас. – Стоит ли это сделать?!» Насколько он мог судить, у Трэвиса еще был шанс. Большая разница, попадает интравенозный мицелий в организм по пищеварительному тракту или же через кровь. Добычу, которую убил яд кураре на острие стрелы, тоже можно съесть – но горе повару, который порежется при готовке. Здесь ситуация аналогичная. Вполне возможно, что такой человек, как Трэвис, охраняемый прочными стенами трусости от любого нестандартного соблазна, пока не получил ни одного глубокого пореза.

Но, конечно, мандала его манит. В конце концов он попробует.

– Честно признаться, я в тебе сомневался, Боб. Я думал, ты спокойно откажешься от своей мандалы. Но теперь вижу, что ты к ней привязался, – произнес Лукас. – Это таинство не слишком разборчиво. Если тебе суждено, лучше перестать сопротивляться. Я решил. Я тебе помогу.

Он говорил с патетической серьезностью, которую так часто слышал на Ёссе. Для ёссенских грибов и ёссенского гуру лучше не придумаешь.

Лицо Трэвиса скривилось в смеси надежды и страха.

– Я... но я... – начал он.

Затем дико затрясся.

Лукас мгновенно понял, что его так напугало: Трэвис

думает, что это предложение подразумевает ритуальную смерть по ёссенским канонам... чего ему пока не хотелось.

– Тебе нечего бояться. Можно провести все в чисто символическом стиле, – быстро успокоил его Лукас. – Хватит трех капель крови, не больше.

Это уточнение подарило ему снизошедшее вдруг вдохновение.

– Рациональному человеку это может показаться немного притянутым за уши, но в подобных ёссенских делах есть свои правила... в общем, ты и сам знаешь! Не мне тебе рассказывать, Боб. Их гнев остынет, а ты успокоишься. – Он ободряюще улыбнулся. – Как думаешь, найдется тут полотенце и миска с чистой водой?

Комбинация пафоса и трезвости подействовала безотказно.

– В конце коридора есть кухня, – ответил Трэвис. – Полотенце... наверное, только бумажное.

– Ничего страшного, – заверил его Лукас.

Трэвис поспешно выскользнул в коридор. Лукас отсчитал пять секунд – достаточно, чтобы шаги удалились.

Затем запер дверь.

Это был глупый трюк – и все же лучше, чем драться с Трэвисом. Лукас прекрасно понимал, что времени мало, потому тут же включил молекулярный измельчитель, который стоял здесь для уничтожения документации, скинул пончо и через ткань снял мандалу со стены. Сначала он хотел бросить ее

в измельчитель не глядя, чтобы потом не жалеть. Но затем сделал ошибку, все же взглянув на нее.

Öссенская мандала. Она была настолько близка к божественной Целостности, насколько может быть осязаемый предмет – *чудо, тайна, воплощение снов.* Лукас был восприимчив к подобным вещам – он мог сколько угодно смеяться над ними, но они оказывали на него воздействие. И хотя он тщательно старался не касаться мандалы голыми участками кожи, ее сила ощущалась так мощно, словно мельчайшие волокна гифы вот-вот коснутся его пальцев. А узор... Рё Аккүтликс! Все в нем сжималось, все его «я» дрожало в порыве чувств. Он не мог отвести глаз от мандалы.

«Неужели нечто подобное не достойно человеческой крови? – произвольно пришло ему в голову. – Неужели столь совершенная вещь не имеет святого права на жертвы?»

А следующая мысль еще страшнее: «Неужели жизнь вот такого вот Роберта Трэвиса действительно более ценна, чем безграничная, безусловная, вневременная красота?»

Мандала затягивала его. Затягивала его в Центр. Из мира хаоса и крайне безрадостного похмелья, из перспектив боли и смерти, из всего, что его обременяет. «И чего я добиваюсь? Это ведь куда более удачный конец для меня, чем многие другие. Уж намного лучше, чем тот, что меня ожидает. Останется ли Трэвис в выигрыше, если я насильно навяжу ему никчемную земную жизнь вместо величественной öссенской смерти? – думал он. – Кто я такой, чтобы решать?»

Но Лукас слишком хорошо знал, в какую ловушку заводят подобные мысли... в какое болото удобного релятивизма и бесхребетной нерешительности. Его отталкивал эгоцентризм ни в чем не сомневающих людей, но наличие сомнений также было малопривлекательным. Иногда приходится рисковать и принимать неудачные решения, если не хочешь закончить дни в состоянии бессильной апатии и связанных рук, которые уже ничего не могут контролировать. «Прежде всего, я землянин! – резко одернул Лукас самого себя. – Кроме того, мне не нужно знать, кем я являюсь, – вполне достаточно знать, кем я *не* являюсь. Мы совершенно не похожи на них.

Самая жалкая человеческая жизнь – куда больше, чем абстрактное совершенство. Это предпосылка, лежащая в основе всего, что имеет вес на Земле. Даже замысел Бога не оправдывает смерть, а кто допустит обратное, придет лишь к безбожному убийству».

И все же он не пошевелился. Между его ладонями и мандалой был лишь слой ткани. Между мандалой и ее проклятием было десять сантиметров выдыхаемого воздуха. Оставалась лишь мелочь – невидимая стена в сознании Лукаса, нечто непостижимое и в то же время навязчивое, что сдерживало его руки. Жужжание генератора молекулярного измельчителя вибрировало в его ушах. Он собирал все силы в кулак, но их все еще было недостаточно.

Снаружи Трэвис взялся за ручку двери.

– Люк?!. Господи, ты... ты запер дверь?!. – В его голосе звучало искреннее удивление, но времени становилось все меньше.

«Ты не сделаешь этого, Лус!

Разве ты можешь?!

Разве ты можешь сделать подобное?!.»

Внезапно, совершенно случайно, Лукас подумал, что мицелий в этой мандале вполне может содержать и лаёгүр. Можно незаметно отломить кусочек, спрятать в карман, а дома бросить его в чай. Рё Аккүтликс, какое бы настало облегчение! Эта навязчивая мысль укоренялась с такой силой, что у Лукаса вспотели ладони, а его легкое корабельное похмелье и неловкие поползновения избалованных инстинктов, которые воспользовались шансом и теперь добиваются толики легкого дурмана, не шли ни в какое сравнение с тем, что ожидает Трэвиса, если свою дозу не получит он. Лукас мог представить этот ад до последней детали.

Он сам знал его до последней детали.

Лукаса захлестнули воспоминания. Неожиданно. Удушающе. Темная лавина. В нем вспыхнуло все: разразившаяся буря, бешеные вихри старательно запрятанных образов... – все, о чем он предпочел бы не знать. *Снова и снова он прогрызает себе путь сквозь унижение, предательства тела и предательства голоса... поражение за поражением, снова и снова в надежде, что, сломай он это в себе однажды, он выбьет из руки старика рычаг, которым тот всегда заставит*

его сделать все, что вздумается, – оттуда втайне вылитый чай и героическая решимость, прошедшая ночь и трясущиеся руки... и срыв. Час за часом ему горько, скверно, страшно, все будто замерло; его воля надламывается с каждым разом, и он идет к отцу и покорно просит, но вместо желанного чая глотает лишь раскаленные угли тщательно дозированной насмешки. Он должен стоять на ногах или на коленях в углу кабинета; должен смотреть, как его отец пьет лаёгјур из ёссенской чашки; он цепенеет под взглядом отца, извивается на дыбе синдрома отмены, но скрывает это изо всех сил. «Нет, я ничего тебе не дам, Лукас, пока ты не встанешь прямо и не будешь говорить со мной менее плаксивым тоном! – говорит старый профессор с холодной язвительностью. – Если ты станешь сопротивляться, то столкнешься с закономерными последствиями!» И Лукас борется, проклиная себя за это, и ждет, ждет, признают ли его в этот раз достойным пощады.

Нет, больше Лукас не хотел вытаскивать все это на свет – но оказался именно в том состоянии, когда прошлое вот-вот выйдет из-под контроля: блуждающий взгляд, неустойчивость Бытия, небольшой сдвиг реальности. Ему вдруг показалось, что в удивительном узоре мандалы он узнаёт лицо старого профессора, – и этого он вынести уже не смог. «Ненавижу тебя!» Все в нем будто восстало – неконтролируемый смерч. «Ты больше никогда этого со мной не сделаешь, никогда, Джайлз Хильдебрандт, никогда, будь проклят

до темноты!» Лукас скатился по волне чувств и позволил ей управлять своими руками, а те с дикой яростью воткнули край мицелиального рельефа в поджидающую пасть измельчителя.

Звук изменился; мандала погружалась глубже, а слой мицелия крошился, словно высушенная кора древнего дерева. Жужжание измельчителя зазвучало на октаву выше. Кроме того, Лукас слышал крики, ругательства, просьбы и всхлипы – Роберт Трэвис по ту сторону ломился в дверь. Пока его еще не посетила идея сбежать к швейцару за запасным ключом... или же идея его все-таки посетила, но он ее отменил, исходя из логики ситуации. Может, он думал, что не успеет. В этом он прав, спринтер из него никакой. Или же он видел в этом божественную дуэль. *Демонов. За душу.* Как-то так.

Лукас боролся. Он смотрел, как изумительные линии узора пропадают в измельчителе и в небытии, и трясся от желания сунуть туда руки и быстро вытащить то, что еще осталось от мандалы. «Плевать на пальцы. Плевать на кровь. Спасти ее! Хотя бы последний кусочек!» Но уже почти ничего не оставалось: лишь жалкий клочок, исчезающий рыжеватый край, гаснущий проблеск над горизонтом. Лукас захлопнул крышку измельчителя и с чувством полного изнеможения оперся о шкаф с документацией.

Ноги подкашивались. Рё Аккүтликс! Все в нем сжималось от тоски.

Тридцать лет постепенного роста и безмерных усилий.

День за днем. Мысли сосредоточиваются на мандале. Ее заливает кровь. Буквально из ниоткуда, из другого мира, вырваны, выхвачены, отвоеваны ее очертания. Каждая мандала – оригинал запредельной цены... измеряемой не только деньгами. Она выходит за рамки обычного человеческого «я». Приближает душу к Богу.

Лукас вытряхнул из пончо кучку золотисто-коричневых спор – последнее, что осталось, – и запустил руку в волосы.

Но... к сожалению и к несчастью.

Основная проблема мистического переживания в том, что его невозможно толком отличить от обычного отравления.

Глава третья

Öссеанка в бою

Джеральд Крэйг был с ней.

Без протестов, послушно и даже с убеждением, что это *он* куда-то ведет *ее*, Джерри позвал Камёлё сначала в ресторан, а затем к себе домой.

Пока они ждали такси, Камёлё совершила ошибку – случайно повернула голову и взглянула на угол дома напротив. Трёйгрү атаковало ее из темноты – резкое и ошеломляющее. Одно лишь мгновение, öссеанин вдруг отступил и исчез на соседней улице, но в Камёлё оставался холод, будто она проглотила кубик льда.

Это был уже третий – нет, четвертый! – раз за сегодняшний вечер, когда она наткнулась на взгляд зүрөгала.

Конечно, совершенно случайно.

«Это абсурд, Камёлё, – думала она с тихой безнадежностью. – Ясно, что зүрөгал не заговорит с тобой, пока рядом медиант. Но разве ты можешь сделать так, чтобы Крэйг не отходил от тебя ни на шаг? Вообще никогда? Вообще никогда?»

Такси опустилось на тротуар, и Камёлё забралась внутрь. Джеральд Крэйг подсел к ней и с ожидаемой навязчивостью обнял ее за плечи; в конце концов, он только что выложил за нее столько кредитов, что тем самым в некотором смыс-

ле оплатил себе это право. «Да, ты принудила его отбросить брезгливость, и точно так же можешь принудить взять на работе неоплачиваемый отпуск, чтобы он получил сухой паек и следующие четырнадцать дней не вылезал из твоей постели. Только вот наступит пятнадцатый день.

Или же сто пятнадцатый. Это не так важно.

В тот день возьмут верх усталость и ощущение, что так больше нельзя. Он тоже разберется в ситуации, и, скорее всего, его стошнит, потому что он чертов расист, а едва ты успеешь закрыть за ним дверь, как тебе на плечо положит руку Зүрёгал».

Камёлё откинулась на сиденье. Они сидели в полумраке, лишь за окнами мелькали блики уличных фонарей. Джеральд Крэйг говорил и говорил, и не нуждался ни в каком ответе, кроме редкого поддакивания. Он рассказывал о своем начальнике и о том, что скоро получит повышение – тогда они с Камёлё смогут отправиться в путешествие по космосу на солнечной яхте.

«Если не Крэйг, то кто может меня спасти? – размышляла она. – Убежать обратно к Ёлтаул? Лишние неприятности для нее. У нее нет никакой власти, как бы она ни притворялась. Зүрёгал уже заглядывал к ней и чуть не убил. Она с ним не справится.

Но, быть может, стоит связаться с Аёрлёмёгерлем».

Глеевари усмехнулась. Почему бы и нет? Стоит лишь отыскать Лукаса Хильдебрандта и заставить его с помощью

своего трансмицелиала отправить восточку Аёрлёмёгерлю. Такая малость – лишь найти в себе смелость встретиться с ним лицом к лицу. После чего Аёрлёмёгерль воспользуется своим положением гиддёрского верховного жреца и Стража Рекега и сделает так, чтобы зүрёгал оставил ее в покое. Аёрлёмёгерль весьма благороден. Он точно сжалится над ней. Если только не решит, что это не стоит его усилий... чего, скорее всего, и следует ожидать.

«Признай, Камёлё. Никто тебе не поможет».

Медленно, незаметно она высвободила пальцы из хватки Джеральда. Решение тоже было весьма неприметным и осторожным, но ее сознание приняло его без лишних раздумий. Оно уже скользило в протонации и искало дорогу.

– Джерри, – тихо произнесла Камёлё.

Ее тон удивил молодого человека.

– Что такое? Что-то случилось, Камилла?

– Мне нужно уйти.

Она выдавила руками стекло окна. В тот же миг ее оглушил свист ветра.

– Господи, что... как ты это... – начал Джеральд.

– Меня кто-то преследует.

Камёлё бросила ему на колени свою сумочку, в которой все равно не было ничего важного. За ней последовало пончо из белого блестящего ламе и, конечно, туфли. Глеевари рассудила, что такими темпами ее коллекция обуви скоро закончится.

– Будем на связи.

Она не дала ему шанса сказать хоть слово. На ней было лишь черное стрейчевое мини-платье – ничего, что затрудняло бы движения. Камёлё высунулась из окна по пояс, схватилась за поручень возле двери и выскочила наружу. Через мгновение она оказалась на крыше кабины.

Ветер был столь сильным, что удержаться наверху было не так просто. Камёлё прижималась к матовому металлу, покрытому липким слоем городской пыли, и осматривалась. Слева в обратном направлении проносились со свистом такси. Над ее головой движение было намного быстрее, так как там располагался уровень для полетов дальнего следования. И, наоборот, кабины, на равной дистанции летящие перед ней и за ней, соблюдали одинаковую скорость. В переулках структура была схожая, лишь приподнятая на несколько метров, чтобы коридоры не пересекались.

Такси Джеральда преодолело два перекрестка, после чего направилось в верхний ряд для поворота. Кабина позади сделала тот же маневр.

«Он в этом такси, – поняла Камёлё. – Он выяснил адрес Джеральда и преследует нас».

Глеевари посмотрела на другую кабину, которая направлялась прямо. Подождала, пока окажется над ней. И прыгнула.

Поле, образующее стену коридора, неожиданно ее затормозило. Это были лишь доли секунды: Камёлё видела, как

крыша кабины, на которую она рассчитывала приземлиться, пролетает под ее ногами, – и вот она стремительно падает. Пролетая мимо кабины, она увидела удивленные лица пассажиров; но в последний момент ей удалось ухватиться за ступеньки. Кабина закачалась. Камёлё повисла на руках. Тут же подтянулась, оперлась о ступеньку коленом и готовилась ухватиться теперь уже за поручень у двери. В этот момент над ее головой посыпалось стекло.

Зүрёгал, очевидно, не настолько уважал «Транспортные предприятия», чтобы выдавливать окно. Увидев, что Камёлё прыгнула, он просто выбил стекло локтем и бросился за ней. Она почувствовала порыв в мыслях. Зүрёгал левитирует.

И Камёлё тоже воспарила. Он был так близко, что можно было услышать его дыхание; его руки уже тянулись за ней, но Камёлё скользнула вверх, пересекла крышу и ухватилась за поручень на другой стороне. Оказываться под кабиной было нежелательно, так как там находился генератор антигравитационного поля, которое удерживало такси в воздухе. Зүрёгал, скорее всего, тоже переберется через крышу. Камёлё шлепнулась на носовую часть кабины, где ветер был еще сильнее. Зүрёгал ее недооценивает. Первым делом он посмотрит назад.

Он же вновь обрел равновесие после прыжка и взобрался наверх. Камёлё увидела его тело, темный силуэт, осторожно передвигающийся по крыше. Уши отведены назад и прижаты к голове для маскировки, так что вряд ли он что-то слышит.

Глеевари прикидывала, что сначала он посмотрит за борт кабины и только потом на носовую часть. Подождала, пока он склонит голову, и бросилась на него.

Удар в шею подбросил зүрёгала в воздух. Увидев, как он падает, обмотанный собственным пончо, Камёлё почти поверила, что ей и правда удалось так просто свернуть ему шею, однако он тут же остановил падение и вновь направился к ней. Его мысль бесцеремонно вторглась в ее голову. *«Камёлёмöэрнiй! Я лишь хочу поговорить с тобой».*

Жалкий трюк – но Камёлё знала кое-что получше. Она перескочила на следующее такси, появившееся в коридоре. Оно было совсем пустым. «Сядем сюда, тут спокойнее», – мысленно сообщила глеевари зүрёгалу. И вновь принялась выдавливать окно.

Кабина затряслась, когда зүрёгал приземлился на крышу. Выдавлив окно с другой стороны, он начал забираться внутрь.

В этот момент Камёлё отступила и стремительно соскользнула вниз. Антигравитационное поле было опасно для жизни, но именно потому на нижней части кабины находился предохранитель. Камёлё сорвала печать, разбила защитное стекло и одним ударом его отключила. Затем резко отпрыгнула.

Кабина полетела вниз. «Пятьдесят метров над землей. Такси упадет быстрее, чем зүрёгал успеет выбраться из проема окна и слоев собственного пончо. Быстрее, чем...»

По коридору пронеслось еще одно такси и отбросило Ка-

мёлё в сторону. Так она не увидела тот самый момент – лишь услышала страшный грохот падения кабины на дорогу, треск оконных стекол в ближайшем ресторане и крики посетителей. Она не стала устанавливать, что стало с зүрёгалом, – левитация истощала ее, и сил на дальнейшие выяснения не оставалось. Еще одна кабина: Камёлё ухватилась за нее, с усилием забралась на крышу и осталась лежать на животе на диком ветру, пытаясь восстановить дыхание.

«Я избавилась от него?!..» Узнать она не могла. Кабина увозила ее прочь.

Но ответ не заставил себя ждать:

– *Камёлёмöэрнiй!*

Вновь тот же голос. Он проникал в ее мысли, не оставляя сомнений, что и его обладатель еще жив. Камёлё выругалась про себя.

– *Лукас Хильдебрандт, –* сказал зүрёгал. – *Его судьба. Я хочу с тобой поговорить.*

Камёлё выпрямилась так резко, что ветер чуть не сшиб ее с крыши кабины. Она обернулась. В двух – нет, трёх кабинах за ней, на расстоянии не меньше ста пятидесяти метров, зүрёгал стоял на коленях на крыше, сгорбленный и сопротивляющийся ветру, как и она.

– *Лукас Хильдебрандт пусть валит в темноту!* – злобно подумала Камёлё.

– *Как скажешь. Но есть и другие аспекты. Я предлагаю перемирие, Камёлёмöэрнiй. Переговоры.*

Камёлё опустилась на пятки, склонила голову к коленям и оперлась на локти. В ушах свистел ветер, но так было проще удержаться на крыше. «Мне все равно от него не убежать, – подумала она. – Или сегодня удастся... а завтра придется снова бояться. Так почему бы не решить все сейчас? Лучше бороться теперь, когда я знаю о нем, чем ждать, когда и где он застанет меня врасплох. Наберусь сил во время разговора. Если что и пойдет не так, хуже, чем сейчас, уже не будет».

Еще несколько мгновений она пыталась убедить саму себя, что ее решение никак не связано с лицом Лукаса, плывущим перед глазами.

Затем она предпочла оставить вопрос своей мотивации.

* * *

С

помощью левитации и пожарной лестницы они забрались на плоскую крышу одного из невысоких административных зданий. Здесь их никто не услышит. Хоть речь и шла о *простом разговоре*, Камёлё впечатала в свою память схему всех вентиляционных шахт и прочих опорных пунктов. Она была готова и к нападению зүрёгала.

Он тем временем чинно уселся на стенку, ограждающую поле солнечных батарей, и посмотрел Камёлё в глаза.

– Я исполнитель его эминенции досточтимейшего Пар-

дүксөэля, и на Землю я пришел с миссией, – начал он после формального трёйгрү.– Ты следила за мной в храме Далекозерцания, а позже и на космодроме, так что знаешь, с чем она связана. – Зүрэгал сделал выразительную паузу: – Фомальхива – один из миров, приведенных в книге Аккүтликса, посвященной Космическим дорогам. Однако там она была упомянута как *Хиваив*. Это ее настоящее первоначальное название. Это мир, который, как и Öссе, давным-давно был почтен явлением Аккүтликса. Но еретики с Хиваив не признали Истинного бога и отвергли его, потому им никогда не получить помилования Аккүтликса.

– Это действительно ужасно, – согласилась Камелё.

Ей не удавалось прочувствовать ожидаемую от нее меру возмущения, но она старалась.

– Это не просто формальный теологический вопрос – это острая проблема, – холодно отметил зүрэгал. – Фомальхиване – неверующие. И один из них теперь здесь.

– Какой-то ничтожный варвар не поставит под угрозу доктрину Церкви.

Зүрэгал не спорил с ней. Он нервно потирал уши.

– На этой неделе я слетал на Деймос, – признался он. – Хотел заманить фомальхиванина в ловушку, но сам попал в тяжелую ситуацию. Я не мог смешаться с толпой на базе, так как весьма отличаюсь от землян, но в то же время не мог и использовать технику *невидимости*, ведь, приблизившись я невидимым к еретику с Хиваив и дай себя увидеть, он бы

понял, что и у нас есть глееваринские способности. Потому я решил воспользоваться его подругой. Мне нужно было поймать ее в трэйгрү, но она совершенно нелепо сопротивлялась. Я не смог ничего выведать и включить ее в свой план. Она предпочла умереть, не подчинившись мне.

Выходит, зүрэгал сорвался. Нецелесообразно убил некую женщину, не рассчитав силы, и не выполнил свою задачу. Камёлё вежливо слушала и напрасно пыталась понять, к чему вообще исполнитель ведет своими рассказами. «Он ведь должен знать, кто я, – размышляла она. – Не кем я являюсь сейчас, а кем была в прошлом. Во что я ввязалась на Öссе. Если он смог меня идентифицировать, то получил доступ и к записям с допросов и суда! Так почему, черт возьми, он делится всеми своими злоключениями именно со мной?!» Этому можно было найти объяснение. Камёлё не сомневалась, что совесть зүрэгала, несмотря на аргументы разума об объективных затруднениях, все же приведет его в конце концов к ритуальной жертве. «Может, он хочет мне предложить принести себя в жертву вместе с ним?» – пришло ей в голову. Это был один из самых логичных вариантов: зүрэгал, будучи верным слугой Аккүтликса, хочет оказать любезность грешнице и таким образом искупить свои грехи. Камёлё знала, что в таком случае, при прохладном отношении к вере, ее ждут некоторые проблемы. Коротко: никаких телесных жидкостей Аккүтликсу она отдавать не собиралась. В конце концов, торжества Озарения она в свое время успешно избежа-

ла.

– И хотя я не отступаю, есть обстоятельства, работающие против меня, – продолжал зүрёгал. – Как ты, очевидно, знаешь, в дело вмешался любимец Аёрлёмёгерля – Лукас Хильдебрандт. Он не прислушался к моим предупреждениям, улетел на Деймос II и предложил фомальхиванину транспортировку на Землю. После чего убедил өссенский Корабль защищать его, в результате чего я не смог остановить их по дороге. Человеку, который дал ему этот Корабль на время, я уже доходчиво выразил наше недовольство, но это никак не влияет на положение дел. Хильдебрандт с фомальхиванином находятся на Земле.

«Лукас убедил Корабль?!.»

Камёлё передернуло. Зүрёгал упомянул об этом мимоходом, будто это совсем неважно... но в ней это замечание подернуло поверхность воспоминаний, будто акулий плавник: *вспышка во тьме, привкус страха, ноты горечи*. Она чувствовала, как ее ладони вспотели. На фомальхиванина плевать. На путешествие Луса тоже плевать. Но тот факт, что Лус говорил с Кораблем, что был с одной из Них в непосредственном контакте, вскрыл в ее душе бездну ужаса. Камёлё носила их в себе – обрывки воспоминаний о давних ночах в Тёрё Мүнд, когда ровно то же самое крутилось в ее голове снова и снова, пока она всматривалась в бледный серп месяца Рекег: *«Могут ли Они попробовать... где-то там, в космосе, по дороге к гиддёрскому храму... и насколько сильным*

окажется давление... насколько успешным». Ее самый большой страх и самая большая забота. Самая гнетущая тайна.

«Лукеас Лус внутри Корабля; чем же таким он смог Ее убедить? – хмуро думала Камёлё. – Если он связался с Ней и говорил пятеричными кодами, сколько этому Кораблю удалось узнать?!. А сколько узнал фомальхиванин?» Но вслух она ничего не сказала. Зүрёгал был последним существом, кому бы она доверилась.

Вся эта ситуация была весьма странной. После того, что исполнитель ей только что поведал, Камёлё уже ничего не понимала. Если речь не о жертвах, тогда о чем? Конечно, в голову приходило разное – например, что зүрёгал потребует найти Лукаса и переманить фомальхиванина, но это звучало абсурдно. Официальный представитель Церкви точно не предложит сотрудничать такой, как она, – еретичке, которая для верующего оссеанина не больше чем грязь под ногтями! Наверняка он понимал и то, что сеть над космодромом принадлежала ей. Ведь они сражались, а он даже не упомянул этого! Как, впрочем, и она. Камёлё была слишком хорошо воспитана, чтобы спрашивать прямо.

– Несмотря на все, что я предпринимал в этом деле, в мои задачи на Земле не входила встреча с фомальхиванином. Я сделал это по своей воле, – вновь заговорил зүрёгал. – Фомальхиванин обладает глееваринскими способностями. По моему мнению, чрезвычайно сильными и опасными. Фомальхиване знают способ, как подобное дарова-

ние развить без какой-либо веры, что является прямой насмешкой над Аккүтликсом. Однако пока никто не осознаёт, что эти глееваринские еретики могут представлять для Öссе угрозу.

– Какое мнение о ситуации сложилось у досточтимейшего Парлүксöэля? – спросила Камёлё.

Зүрёгал явно замялся.

– Его эминенция досточтимейший Парлүксöэль ответил мне, что я не должен заботиться о второстепенных вещах, выполняя свою миссию на Земле.

«Не собирается ли он мне раскрыть, в чем же дело», – подумала Камёлё. Все это было настолько неожиданным, что она давно перестала пытаться что-либо думать об этом разговоре. Сейчас все выглядело так, будто зүрёгал просто спятил.

– Его эминенция досточтимейший Парлүксöэль не видит в фомальхиванине противника. Фомальхиванин должен сыграть в его планах определенную роль, но планы эти касаются исключительно Öссе... или же, выражаясь точнее, известных споров между Öссе и Рекегом.

Зүрёгалу было сложно об этом говорить. Камёлё слышала, как его голос дрожит. Но он продолжал:

– Мой господин подозревает, что абү Аёрлёмёгерль – тайный глееварин. Как ты наверняка знаешь, воля Аккүтликса, поддержанная решением собора, гласит, что людям с психотронными способностями запрещено выполнять высшие

церковные функции. Его эминенция досточтимейший полагает, что абү Аёрлёмёгерль не только скрыл свои способности, но, более того, никогда в действительности не принимал торжества Озарения, так как перед обрядом тайно применил вещество, которое тому препятствует.

Камёлё сухо сглотнула.

– Это серьезное обвинение, – выдавила она из себя. – Но, если у твоего господина нет микрода с записью непосредственно того, как Аёрлёмёгерль договаривается с еретиками и пьет *сյель*, едва ли ему удастся доказать нечто подобное.

– Его эминенция об этом, несомненно, знает, – заверил ее зүрёгал. – Однако это не отменяет его убеждения в том, что абү Аёрлёмёгерль преступает божий закон. Великий Парлүксёэль не пытается отрицать его веру, ведь это не имело бы шанса на успех. Вместо этого он работает над тем, чтобы обвинить абү Аёрлёмёгерля в предательстве.

– Ох.

Большого Камёлё сказать не смогла. Она с трудом сохранила нейтральное выражение лица.

– Фомальхиванин станет удачным предлогом. У моего господина есть причины полагать, что абү Аёрлёмёгерль знал о появлении чужака. Согласно информации, предоставленной разведчиками в Гиддöre, это два десятка декад назад было предсказано священной гиддöрской плитой за Порогом Рекега. Далее, у моего господина есть причины считать, что предатель попытается передать фомальхиванину

одну из ценных реликвий, по милости Аккүтликса хранимых в наших монастырях. Его эминенция досточтимейший Парлүксöэль принимает все меры предосторожности, чтобы воспрепятствовать ужасной потере столь ценной реликвии.

Камёлё мгновенно разложила его слова по полочкам. Парлүксöэль, очевидно, *не принимает* никаких мер, чтобы препятствовать воображаемой *потере*, – он сам запланировал эту потерю, чтобы иметь под рукой достаточно тяжкое преступление, которое можно было бы повесить на Аёрлёмёгерля. Камёлё знала, что он достаточно циничен, чтобы не постесняться украсть для таких целей что-нибудь из *священных останков*. Чтобы такая интрига не обратилась против него, необходимы годы осторожных маневров, несколько тонн безграничной преданности всех ассасинов и слуг, длинный ряд обетов молчания... и еще более длинный ряд трупов в случаях, когда обета не хватает.

Глеевари оцепенела. «И этот зүрёгал, очевидно, давал обет. От меня же ничего не требует. Как великодушно с его стороны!

А еще очень глупо».

– Ты рассказал... рассказал мне очень много, – выдавила она из себя.

– Мне нужно твое доверие, Камёлёмöэрнү.

Зүрёгал вновь сделал паузу, на этот раз даже слишком долгую.

– Его эминенция досточтимейший Парлүксöэль преступ-

но недооценивает опасность. И хотя я предупреждал его, что потеря реликвии может действительно произойти, он, ослепленный своей идеей, настаивает на своих изначальных приказах. Он не хочет отказываться от плана, который так долго готовил. Потому необходимо, чтобы я перестал руководствоваться его решением.

Камёлё ловила ртом воздух. Это было просто невероятно. Неслыханно!

Зүрёгал восстал против своего господина.

Глеевари смотрела на него и вдруг поняла, что он, по сути, мертв. Его лицо было совершенно спокойным, будто вылепленным из сероватого фарфора. Уши висели совсем неподвижно. Но именно это неестественное, оцепенелое спокойствие привело Камёлё к осознанию.

Он знает, что умрет здесь. Бесславно. Как предатель.

Зүрёгал должен был понимать, что, преступи он свой обет верховному жрецу, ему больше не позволят вернуться на Öсе. К тому же, если он решил выдать все планы Парлүксёэля именно ей – изгнаннице, с которой ему даже общаться не пристало, – он заслуживает позорной смерти, так как изменяет своему господину худшим образом. Но он все равно это сделал.

У него должна быть причина, которая своей весомостью перекрывает обеты и даже страх.

– Я считаю своим долгом перед лицом Аккүтликса убить фомальхиванина, – произнес зүрёгал, когда тишина слиш-

ком затянулась. – Мне достаточно причины, что он представляет угрозу для нашей веры. Кроме того, он угрожает и нам, глееваринам. Тебя, меня и Аёрлёмёгерля многое разделяет, Камёлёмёэрнү. У каждого из нас своя судьба, и наши пути при обычных обстоятельствах никогда бы не пересеклись. Но фомальхиванин – это то, что нас объединяет. Я давно отказался от своего имени. Я посвятил службе Богу всю свою жизнь. Клялся в верности его эминенции Парлүксёэлю. *Но Парлүксёэль – не глееварин.*

Исполнитель посмотрел Камёлё в глаза:

– У ее эминенции Маёвёнё здесь нет глееваринов. Она оставляла троих, но в начале д-альфийского кризиса принудила двоих из них к психотронному вмешательству, в результате чего они умерли. А если говорить о третьем, думаю, о его смерти ты знаешь больше, чем я.

Камёлё побледнела. «Так зүрёгал знает, что я пыталась повесить на него убийство!»

Она ожидала угроз и шантажа. Но өссеанин лишь ухмыльнулся:

– Оставим это, Камёлёмёэрнү. У ее эминенции на данный момент не так много средств, чтобы выступить против меня. Без поддержки глееваринов ей даже не удастся меня найти. Это значит, что ее претензии по отношению ко мне не существенны.

«Не существенны?! Этот мерзавец смеет отрицать влияние самой могущественной представительницы Церкви на

Земле?» Камёлё усталилась на него, не веря своим ушам.

– Непосредственной проблемой является чужак с Хиваив. На всей планете, кроме него, есть только двое глееваринов с боевой подготовкой. Это ты и я, – добавил зүрёгал. – Я хотел бы взять с тебя обещание, что ты будешь продолжать борьбу с фомальхиванином, если я не смогу.

Так вот в чем дело. Трёйгрү было гнетущим и долгим.

– Я не уверена, что могу тебе его дать, – наконец сказала Камёлё.

Зүрёгал устало закрыл глаза и оперся на руки. Но не показал своего разочарования.

– Я скажу тебе кое-что, Камёлё, – произнес он куда менее воинственным тоном. – Д-альфийцы – не нормальные люди. Их мысли странным образом затуманены. Мне не удалось прочитать в них что-либо значимое.

– В этом виноват он?

– Не исключено.

Камёлё передернуло.

– Если он так действует на окружающих, то может быть опасен и для Земли.

– Да, – согласился зүрёгал. – Это проявилось уже здесь, на палубе Корабля. Пока Хильдебрандт не закрыл каналы коммуникации, я слышал запись.

Он отвернулся и посмотрел на ночной город.

– Я не стану притворяться, Камёлё. Лично мне Лукас Хильдебрандт неприятен – и не только потому, что его вы-

брал абү Аөрлёмёгерль. Мне не нравится его язвительная ирония, полная бестактность и жажда власти. Мы познакомились на Ёссе, и я считаю, что он поверхностный сноб, в котором нет ни капли смирения. Но теперь мне все больше его жаль. Он не представляет, с какой силой ему придется столкнуться. Может, поначалу он осознавал. И думал, что справится. Такие, как он, не страдают от недостатка самонадеянности. Но в данном случае он ужасно ошибся.

Исполнитель опустил уши в знак тихого смирения.

– Теперь он провел с фомальхиванином несколько дней, и все его подозрения наверняка отступили. Хороший пример – судьба нескольких д-альфийцев, которых фомальхиванин убил. И хотя Хильдебрандт *знает* о погибших, он готов это игнорировать. Больше он спрашивать об этом фомальхиванина не станет. Просто забудет. Чужак становится ему все симпатичнее. Хоть ему это и не свойственно, Хильдебрандт полностью доверяет фомальхиванину.

– Мне нужно его предупредить.

– Рё Аккүтликс! Пойми, о чем идет речь! – воскликнул зүрёгал. – Здесь никакие предупреждения не помогут.

Камёлё склонила голову.

– Как ты хочешь убить чужака? – спросила она.

– Зависит от обстоятельств. Буду ждать шанса. Может быть, вдохновлюсь твоим примером... тем, как ты подстроила мое падение в кабине такси. А может, придумаю совсем другой трюк.

Зүрёгал запустил руку во внутренний карман пончо.

– В любом случае – не это.

Он протянул Камёлё раскрытую ладонь.

Глеевари вгляделась. Ее взгляду предстала свернутая спираль из белого металла. Она содрогнулась от ужаса, который в следующее мгновение превратился в сосредоточенность. Ее тело тут же пришло в готовность к прыжкам длиной в восемь метров и к бою не на жизнь, а на смерть, едва зүрёгал незначительно пошевелит пальцами и попытается задействовать эту штуку. Но его ладонь оставалась совершенно неподвижной.

– Ты знаешь, что это? – спросил он.

– Конечно.

– Умеешь с этим обращаться?

– Конечно.

– Фомальхиванин – глееварин. Это лучшее оружие, которое я могу против него предложить. Но фомальхиванину известно обо мне, а Хильдебрандт меня узнает и сможет его предупредить. Если я потеряю преимущество неожиданности, у меня не будет возможности использовать это. Потому я дам это тебе. А ты уничтожишь чужака.

Увидев, что Камёлё не шевелится, зүрёгал взял ее руку и вложил в нее белый диск. Несколько мгновений он продолжал держать ее. Все это время Камёлё рассуждала, что есть еще возможность просто *не брать* это... несмотря на то, как было бы здорово подобную вещь *иметь*... но затем пальцы

зүрэгала сомкнулись, и шанса на отказ не осталось.

– Теперь я дал тебе все, что мог. Большого у меня нет. Ты не должна меня разочаровать, Камёлё, – сказал исполнитель.

Он отвернулся и без прощального слова медленно направился к краю крыши. Камёлё видела, как его уши дрожат от напряжения и усталости.

Она вдруг поняла, что едва ли может представить себе положение хуже, чем у него. *Зүрэгал*. Существо, которое все ненавидят. Которого все без исключения боятся. А его предательство многие воспримут со злорадством.

Ей невольно вспомнилось, каково ёссенское наказание для предателей.

Зүрэгалу повезет, если он умрет в бою.

* * *

К
амёлё знала, что такое *серебристый холод*.

Во время подготовки глееваринов священники объяснили ей, что это орудие недовольства Аккүтликса, поглощающее души и воспоминания тех, кто воспротивился Божьей воле. *Слова и воззвания!* Ее научили владеть и управлять им. От нее требовали понять и признать, что иногда необходимо и подобное насилие, когда речь идет о священных интересах Церкви.

Но Камёлё познакомилась с *серебристым холодом* и с дру-

гой его стороны. Увидела собственными глазами еще до того, как его показали они: ночью перед торжеством, во время которого ее брат Вёйкирасү достиг Озарения.

И видела, как *холод* убивает.

Вёйкирасү: сидит на плетеной рогожке в комнате медитаций; вокруг ничего, кроме белых стен. Темно-синий цвет ему идет – цвет Превращения и парадных платьев. Но Камёлёмöэрнү боится. Этот торжественный синий цвет вызывает в ней ужас.

– Обычно такое планируется за несколько декад, Вёйки. А тебе дали лишь три дня! Ты понимаешь, почему они так сделали?

Широкие величественные, бесподобные уши Вёйки слегка затрепетали.

– Ты ведь тоже понимаешь, Камёлё. Иначе бы не спрашивала. Они мне не верят.

– Потому что ты глееварин?

Вёйкирасү качает головой.

– Потому что я не верю им, – шепчет он. – Я сомневаюсь... в вере. Они не могут мне ничего доказать. И сами они это тоже заметили.

Он говорит так тихо, что Камёлё не уверена, что это не сон. Она чувствует его сомнения, может, даже нежелание. Вёйкирасү старше на шесть лет. Это много, когда тебе пятнадцать. Он не рассказывает ей о своих делах, а она этого и не ожидает. Камёлё смотрит на него снизу вверх и

завидует ему... но тихо – у младшей сестры нет права на большее. Но сегодня она собралась с силами и прибежала к нему. Уговорила саму аббатису, чтобы ее к нему впустили. Она не могла удержаться. Весь день ее преследует чувство, что времени осталось мало, что это последний раз, когда она еще может поговорить со своим взрослым и бесконечно мудрым братом. Завтра его ждет Озарение. Оно меняет каждого.

– Может, ты испытываешь нечто столь прекрасное, Вёйки, что никаких сомнений не останется, – неуверенно выдает Камёлё.

– Конечно, – соглашается Вёикирасіј.

И отворачивается.

Камёлё всхлипывает. И больше не может сдерживаться. Она бросается к нему и повисает у него на шее.

– Я тебя люблю, Вёйки! Я боюсь, что с тобой что-то случится, – шепчет она в складку его уха, окаймленную рядом ритуальных колечек.

Вёикирасіј гладит ее по спине. Он вновь сомневается. Камёлё ясно чувствует, как в нем все кипит: чувства и... осторожность?

– Хорошо, – вдруг говорит он. – Я возьму тебя с собой, Камёлёмёэрніј. Надеюсь, ты не станешь об этом болтать. В конце концов, через несколько лет тебе самой может это пригодиться. Чтобы знать, что искать! Чтобы знать, что такое вообще бывает.

Брат сбрасывает с себя ее руки и ловко поднимается. Надевает обувь. Достает из сундука связку темных платков. Один завязывает вокруг ушей, второй через все лицо. Камёлё ни о чем не спрашивает. Просто делает то же, что и он.

Вёкирасіј выключает свет и раскрывает шторы, выглядывает из окна и запрыгивает на подоконник. Ночь темная, безлунная, прозрачно-холодная. Вёкирасіј отталкивается и прыгает на ближайший карниз. У него отличное чувство равновесия. Он редко пользуется левитацией.

Камёлё следует за ним по пятам. Они преодолевают несколько крыши и ограждений, избегая террас и открытых окон. Вёкирасіј без колебаний прокладывает путь – судя по всему, он делает это не в первый раз. Перелетает через двор какого-то заброшенного дома и взбегает по восходящему карнизу пирамидальной башни бывшего монастыря. Несколько лет назад местным монахам пришло видение, которое гласило, что они должны коллективно принести себя в жертву. С тех пор монастырь пустует.

Вёкирасіј запрыгивает на ограждение галереи на середине башни. Оглядывается. Прыгает внутрь. Делает шаг в темноту.

Время бежит. Камёлё стоит, скрытая в тени брата... без слов, без движения, без вопросов. Металлическая лестница внутри башни вдруг начинает дрожать от поспешных легких шагов. Они большие не одни. Кто-то другой – в черном и тоже с закрытым лицом – проскальзывает к ним на пло-

щадку.

– Сіґель, – шепчет Вёйкрасіґ.

Произносит несколько стихов. Девушка в черном отвечает. Затем бросает быстрый взгляд на Камёлё. Трёйгріґ крепкое, будто стальной крюк.

– Моя сестра, – объясняет Вёйкрасіґ. – Мы можем ей доверять.

Девушка молча кивает и перестает сверлить Камёлё взглядом.

– Слушай, – говорит она. – Выпей за три часа до торжества. Помни, что сіґель – это лишь надежда, а не уверенность. Оно подавляет действие рэвё, но есть и другие силы, воздействующие на человека. Если хочешь сохранить ясное сознание, ты должен сопротивляться желанию слияния и смерти, которое в тебе попытаются вызвать извне. Сіґель не спасет тебя, если ты сам себе не поможешь.

Девушка на миг умолкает, украдкой оглядывается и делает осторожный шаг к галерее башни, где чуть больше света. Из складок черных одежд она вытаскивает бутылочку из красной глазурованной глины, на которой высечен знак Тайны.

– Удачи, глееварин, – шепчет она и протягивает Вёйкрасіґ руку.

Камёлё краем глаза улавливает движение, блеск серебра в ночном небе. Она хочет предупредить брата, но не успевает сказать ни слова – оно уже здесь. Из тьмы вырывается ле-

дяной белый язык, летучий змей, и молниеносно проникает под ребра девушки.

Незнакомка оседает. Камёлё видит, как ее глаза под платком расширяются от ужаса, будто в янтаре разгорается пламя. Ее рука дергается, а пальцы судорожно сжимают бутылочку.

– Беги, – выдавливает она. – Он чувствует. Он идет сюда. Беги, не бери его, уже поздно!

На последнем слоге слова тон голоса поднимается до неестественной высоты. Из рукава появляется серебристо-белая живая лента металла, темный рот. Камёлё не в силах пошевелиться: оглушенная ужасом и болезненным любопытством, она смотрит, как оно поднимается и сворачивается в спираль – и вдруг своей жадной пастью впивается в руку девушки... как исчезает под кожей среди струек крови. Глиняная бутылочка разлетается на осколки – и раздаётся звук, будто кто-то высосал птичье яйцо. Девушка падает на колени.

Неприятное давление в глазах. Камёлё чувствует, будто что-то вокруг нее высасывает воздух. ЧТО-ТО. Жадный рот. Жадная мысль.

Оно не направлено на Камёлё, но она знакома с основами глееваринской подготовки и способна сориентироваться в невидимых силах, которые ведут напряженную борьбу. Змей врывается в мысли девушки. В ее воспоминания.

Его цель ясна. Сүйёл раздразнил в нем аппетит, как хищ-

ника сводят с ума первые капли крови. Челюсти вгрызаются в плоть... а холод в незащитное сознание. Сїѳель! Серебристый холод разрушает основы человеческой души. Пытается раздобыть информацию... неосознанно, но тем требовательнее. Будто прорастающие корни. Будто набухающая древесина. Ищет образы и слова. Руки, что только что держали бутылочку. Лица и имена. Следы тех, кто предал Церковь.

Девушка скулит и извивается на земле. Она не хочет отдавать свои воспоминания, так как прекрасно знает, что этим обрежет на смерть всех остальных глееварингов из тайной сети Сїѳеля, о которых она когда-либо слышала. Но ее мозг этого не выдержит. Фундамент обрушивается, нейронные связи ослабевают, все заполняет темнота. Змей вновь поднимается и поворачивается к ее лицу... Но вот это зрелище сменяет ладонь Вёикирасїѳ, закрывающая Камёлё глаза, а вторая его рука тянет ее прочь отсюда. Лишь уши ничто не защищает от хрипов и звуков дробления костей.

Вёикирасїѳ тащит ее вниз по лестнице.

– Никакой левитации, никаких глееваринских действий... Серебристый холод все чувствует, – шепчет брат ей в ухо, после чего они выскальзывают из монастыря сквозь приоткрытые ворота.

Затем тихо бегут в тени домов, петляя по пустым улицам. Вёикирасїѳ направляется к Тёрё Міјнд. Уже за полночь. Камёлё давно должна была вернуться.

Наконец Вёкирасіј останавливается.

*– Дальше беги одна. Перед воротами сними платок, – на-
поминает он.*

Камёлё душат невысказанные вопросы:

– Та девушка...

*– Каждый из нас рискует жизнью. Но в конце концов ее
потеряет. Серебристый холод никогда не отступит, если
начал вытягивать твои воспоминания, Камёлёмöэрніј. Ли-
бо отдаешь, либо умираешь. Лучше собрать всю смелость и
смириться с тем, с чем нужно смириться.*

*– Она могла спастись, – слабо вымолвила Камёлё. – Ведь
так? Она была бы жива, если бы отдала свою память.*

*– Память – это все, что у нас есть, – говорит Вёки-
расіј. – Прощай, Камёлёмöэрніј. Вернись в монастырь и сде-
лай, что тебе скажут. Прошу лишь об одном... никогда не
забывай эту ночь.*

Он отворачивается, но Камёлё хватается за рукав.

*– Вёки... Ты не смог его взять. Что теперь будет?! –
взволнованно выдавливает она.*

*– А ты как думаешь? – бормочет Вёкирасіј. – Я достигну
озарения!*

Его голос дрожит. А глаза абсолютно пусты.

*Камёлё вздрогнула от внезапного холода. Ее брат умер
дважды. Жизнь покинула тело Вёкирасіј четыре года назад
на алтаре, когда его привели к самоубийству стыд, раская-
ние за ее страшную провинность и обязанность смыть ее ви-*

ну; но душа его была мертва задолго до этого. На следующий день после их неудачной ночной вылазки прошло торжество, на котором Вёикирасу выпил кубок рävё. *Рävё. Озарение. Последнее из Пяти священных веществ.* Больше он не был прежним. Не пытался говорить с ней на запретные темы. Не передвигался ночью по крышам. Ни за что бы не принял участия в столь грешных делах, как интриги тайных глееваринов – заблудших психов, передающих между собой проклятый *сүэль*, который может послужить противоядием *рävё*, и тем самым пытающихся избежать того, чего требует вера.

Камёлё больше не могла ни о чем его спросить.

А он уже не мог ей ничего сказать.

Глава четвертая

Продажа тайн и загадок

«Замечательно! – тем временем думал Лукас. – Просто замечательно, этот парень точно знает, чего хочет!»

Он сидел напротив фомальхиванина и выслушивал его планы.

– И вот ты вдруг оказываешься в совершенно другом мире, – рассказывал Аш~шад. – Цель заключается в том, чтобы быстро сориентироваться, избежать фатальных ошибок, найти себе подходящую незанятую экологическую нишу и выстроить надлежашую позицию. Я провел несколько дней на Деймосе за просмотром Медианета, так что кое-какое представление имею. В вашем мире ключевую роль играют деньги. Если опустить возможность просто их украсть, я должен предложить что-то, чего остальные хотят и не имеют.

Он посмотрел на Лукаса с удивительно простодушной улыбкой.

– Ты знаешь, как это работает на Земле. Я надеялся, что ты сможешь мне посоветовать, что бы это могло быть.

«Это именно тот шанс, – подумал Лукас, – которым нельзя воспользоваться». Он не сомневался, что, попроси он сейчас сведения о Фомальхиве, Аш~шад бы с ним поделился, и, вполне возможно, «по скидке».

Но не больше.

– Неплохо сказано! – отреагировал Лукас со смехом. – Остается лишь добавить: «Чего остальные хотят, не имеют и *не могут добыть иным путем*». На самом деле совершенно неважно, что ты выберешь, Аш~шад. Лучше что-нибудь, что невозможно скопировать, но это не главное условие. Главное, что *не должно поддаваться копированию*, – это способ, каким ты это «что-то» будешь продавать. – Лукас ухмыльнулся: – Мы давно уже не в той ситуации, когда нужно *производить* что-то стоящее, чтобы себя прокормить. Для обеспечения базовых потребностей всего человечества достаточно усилий нескольких процентов населения. Все остальные лишь поддерживают инфраструктуру и поток информации. Их работа, конечно, имеет некое логическое обоснование и обеспечивает некую меру комфорта, но это не что-то, без чего нельзя обойтись. Большинство так называемых *потребностей* искусственно. Они возникают случайно и вполне могли бы быть совсем иными. Нужно лишь уметь вызвать в людях необходимую потребность – а затем продать им то, чего они так хотят и чего у тебя полный склад.

– Я понял, – перебил его Аш~шад. – На Хиваив разыгрывают множество простых игр, в то время как здесь – всего одну посложнее, но суть все та же. Иллюзии важнее реальности. Вещи не существуют – существует только информация о них. Цивилизация – исключительно виртуальное явление.

Лукас удивился.

– Я такого не говорил.

Аш~шад лишь улыбнулся.

– На данный момент я могу продавать только две вещи. Во-первых, информацию о Фомальхиве, в которой, возможно, заинтересован Совет...

Он уставился на Лукаса с немым вопросом.

Лукас пожал плечами. И вот снова он – шанс весьма просто устроить все так, как хотелось бы Стэффорду. Но инстинкты подсказывали Лукасу обойти эту наживку стороной. Если он примет идею Аш~шада о том, что информация между ними двумя является предметом торговли, ему впоследствии придется буквально *покупать* каждое его слово.

– А вторая вещь?

– Я сам.

Аш~шад отвел глаза и расслабился в кресле; ему, как и Лукасу, было совершенно ясно, что наживка не сработала.

– На Фомальхиве принят некий *кодекс чести*, который устанавливает, как могут быть использованы аргиа~луйские способности. Но нигде не указано, что эта, как вы ее называете, *психотроника*, не может осуществляться за деньги. В аргенит~мийат как в искусстве – актер или певец тоже продает сам себя и свои таланты, и...

– Актер?! – перебил его Лукас. – Ни в коем случае! Если хочешь выглядеть серьезным, категорически избегай любого сравнения с искусством. Можешь сколько угодно использовать театральные трюки, но никогда не говори, что ты актер. «Консультационная деятельность» – вот правильное назва-

ние. Короче говоря, ты – «эксперт по психотронике». Отчасти психотерапевт, отчасти экзорцист, отчасти детектив. Но ясновидение лучше аккуратно опустить, иначе будут проблемы с лотерейщиками. Попробуем найти в Сети, нужна ли для парапсихологической деятельности лицензия и существует ли для лозоходцев профессиональная организация. Если да, нужно будет получить сертификат. Если нет, нужно ее основать.

Аш~шад рассмеялся.

– Звучит неплохо. Мне нравится эта игра! – оживленно сказал он. – Будешь моим специалистом по связям с общественностью, Лукас?

Лукас смотрел в блестящие, наполненные ликованием глаза Аш~шада и чувствовал, как поддается его заразительному восторгу. Он едва не кивнул и не потребовал пятнадцать процентов с будущей прибыли – точно так же, как он сделал три года назад в разговоре со Стэффордом, когда согласовывал с ним условия, по которым Совет будет искать спонсоров; но в последний момент опомнился. *Очередная ловушка!* Стэффорд тогда пошел на эту нелепость, и оба на этом заработали. Аш~шад, вполне возможно, также бы на нее пошел. Но этого Лукас совершенно не хотел.

– Нет. Пока я сотрудничаю с Советом, не могу работать одновременно и на тебя, так как это будет конфликтом интересов, – вывернулся он с улыбкой. – Но могу давать тебе дружеские советы. Более того, бесплатно.

– Дружеские советы, – повторил Аш~шад. – Бесплатно.
В его глазах мелькнул смех.

– Ничего не бывает бесплатно, Лукас, и не думай, что я этого не знаю! Но как мне понравилось твое истинное предложение, так и твоя истинная цена для меня приемлема. Немалая. Совсем нет. Но я признаю ее обоснованность.

Лукас закусил губу. Он отнюдь не был уверен, что понимает, о чем Аш~шад говорит. Или, выражаясь точнее, отнюдь не был уверен, что хочет, чтобы это всплыло на поверхность и прозвучало вслух.

Но фомальхиванин не собирался пускаться в анализ.

– Для меня будет честью, если ты возьмешь это в свои руки, – произнес он. – Даю тебе в этом деле свободу. Делай для моей консультационной карьеры все, что считаешь нужным.

* * *

В

новь тот же сон. Пейзаж с фиолетовым небом, скалистая местность в горах, потрясающие башни мастеров и тесные кельи подмастерьев, высеченные в скале. Ледяные воды озера. Запах огня. Сверкание золота. Фиона Фергюссон – юристка из Совета по исследованию космоса, молодая, перспективная, интеллигентная и совершенно вменяемая... та, которая должна была привезти на Землю фомальхиванина,

но не смогла его убедить... видит во сне Фомальхиву.

Она была абсолютно уверена. Это уже который по счету сон подобного рода, возвращение в знакомые места. Этот пейзаж не был похож ни на один из природоведческих фильмов из Медианета хотя бы потому, что по дороге вокруг горного озера постоянно ходил кто-то в блестящих доспехах, опоясанный мечом, а по небу с регулярностью кораблей дальнего следования пролетали то ящер с кожистыми крыльями, то оперенный змей, то дракон с наездником на спине. Реквизит был немного извращенный, немного сказочный, более чем немного китчевый – но учитывая, что это сон, невероятно объемный. «Неужели так и выглядит Фомальхива?! Может ли где-то существовать такая блестящая средневековая идиллия – рыцари, драконы, прекрасные дамы, волшебники – и все это без помоев, болезней, войн и голода?» – думала Фиона с долей скепсиса после пробуждения; однако во сне она верила всему. Она не ставила под сомнение даже действующих лиц – и хорошо, ведь главная роль не менялась. Старец в белой ризе, снявшийся ей уже две ночи подряд, вновь появился в каменных воротах – вылез из своей берлоги, башни или прямо из могилы – и пристально смотрел на Фиону. В руке он держал кулон из чистого золота, диск с изображением протянутой ладони, сияющий ослепительным блеском.

Из-за старичка с амулетом Фиона продлила свое пребывание на базе Деймос II на день, хотя ей и пришлось взять ради

этого отпуск, а никакой работы здесь для нее уже не было. Ёссенский зүрёгал, который в поисках фомальхиванина потерпел такое же фиаско, как и она, поведал ей, что Аш~шад покинул базу, но она четко чувствовала, что некий след здесь еще оставался. И ее не останавливало то, что она не способна обнаружить его бодрствуя. Фомальхивский старец пытается к ней обратиться. Он хочет с ней связаться! Может, у него есть для нее какое-то сообщение.

Фиона была к этому готова. Перед сном она положила у кровати ручку и планшет с бумагой. Это была необходимость: писать нужно было еще в полубессознательном состоянии между сном и обычным дневным бодрствованием. Она хорошо это умела. Даже на ощупь.

Делала она это с детства.

Уже давно она привыкла, что сны приносят ей совершенно конкретные, материальные и часто *доказуемые* сведения. В школе таким образом в двух случаях из трех удавалось узнать вопросы к приближающимся контрольным. Позже, до должности в Совете, она работала в адвокатском бюро – и тогда записывала номера актов, законов и основные пункты стратегии, которую ее оппоненты собираются выбрать при ведении процесса. Лишь благодаря этому она снискала репутацию отличной юристки. Если бы пришлось полагаться только на свои логические суждения, знания права и оценку ситуации, ей не удалось бы добиться такого успеха.

Однако о ее снах никто не знал. Когда в детстве в школе

ее обвинили в том, что она пробралась в стол учительницы и украла вопросы к тесту, Фиона выучила урок, что неразумно делиться с кем-либо полученной информацией. Точно так же неразумно раскрывать источник информации. Фиона придерживалась этого принципа в любом случае: с одноклассниками, учителями, родителями, позднее с коллегами и начальниками. Единственным человеком, кому Фиона все рассказывала, была Прастарая.

В течение долгих лет обладания этой способностью Фиона раскрыла ее преимущества и недостатки. Сны невозможно было запланировать или гарантировать, но когда они все же приходили, то часто касались проблем, которые ее занимали во время бодрствования. Но никогда не показывали будущее. Не могли предсказать результат судебного процесса, многообещающей встречи или скачек. Сны показывали вопросы заготовленного теста, но не те, что профессор из внезапного побуждения задавал на устном экзамене. Когда-то она упорно пыталась угадать число лотерейного билета, который станет выигрышным, но получила лишь выигрышные цифры из прошлого. Все, что приносили сны, было реально существующими вещами, которые можно было бы увидеть или услышать и физически, если бы у Фионы была возможность попасть в соответствующее отдаленное или недоступное место.

Однако и без ясновидения подобную способность можно было бы гарантированно использовать для какого-нибудь

грандиозного обмана, результатом которого стали бы миллионы на счету Фионы. Уже в средней школе Фиона думала об этом – и еще больше планов строила во время изучения права, так как лекции о том, как устроено общество и какие лазейки есть в законах, были при подобных размышлениях отличным источником вдохновения. Но именно в то время на нее вдруг снизошло озарение. Она осознала Божье присутствие. И поняла, что она сама – лишь песчинка в «*Лунной исповеди*», лишь незаметная частичка божественного замысла Великого Аккүтликса. В тот момент она осознала, что никогда не посмеет использовать свою способность для того, чтобы обеспечить себя деньгами и комфортной жизнью. Единственный правильный путь – вложить все свои способности в службу лардöэну. Аккүтликс требует жертв.

Аккүтликс.

Фигура öссенского Насекомьего бога вдруг встала перед ее глазами: тело насекомого с тремя парами конечностей... с присосками вместо ладоней... с мощными челюстями... и с усиками, поднимавшимися ото лба, будто своеобразная корона. Фиона за свою жизнь видела много Его статуй... стилизованных и реалистичных, небольших и в натуральную величину... на фотографиях и в сумраке öссенских храмов, где они возвышались над алым *аиö*, как призрак из нержавеющей стали. На неуловимо краткое, но вневременное мгновение в потоке снов силуэт Аккүтликса слился с фигурой фомальхивского старца: обрывочная ассоциация, странная

встреча столь разных символов. У мудреца с Фомальхивы был насекомий лик Аккүтликса, его хитиновый рот шевелился. Фиона не слышала слов – лишь сиплый шуршащий звук – но вдруг она почувствовала, как в ее мыслях вырисовываются их контуры.

Это был уже не сон, но и бодрствование было неполным. В тот момент, когда Фиона осознала, что ее мозг понемногу просыпается, она заставила вялую руку взяться за ручку; а задолго до полного пробуждения на бумаге уже были нацарапаны буквы.

Когда через два-три часа Фиона наконец окончательно проснулась, в руке она сжимала клочок бумаги. «КАРДНА-С~ЛУ» – было написано на нем корявым дрожащим почерком. Между двумя словами тянулся странный символ, вероятно, волнистая линия, которая будто подсказывала, что две части составляют одно целое. Подобную волнистую черту Фиона уже встречала некоторое время назад, когда точно так же во сне получила имя Аш~шада. Но символы были терронскими, никаких инопланетных рун.

Теперь она все поняла. «Амулет должен быть где-то здесь. Здесь, на Деймосе. Аш~шад привез его с собой с Фомальхивы, но теперь он не у него. Может, он его потерял. Может, отказался от него. Или, может, оставил его здесь умышленно – как знак».

Фиона вышла из комнаты. Войдя в систему навигации, она запланировала путь через все этажи базы. Она пройдет

по всем клубам, всем ресторанам и всем залам. Теперь она знает, что искать. Даже знает, как оно называется. И будет везде о нем спрашивать.

Приближался полдень, и коридоры были полны людей. Фиона пробиралась сквозь толпы д-альфийцев и размышляла, с кого стоит начать. Но уже на первой площади, в круговом пространстве Северного узла, где под сенью гидропонических деревьев стояли кучки веселящихся д-альфийцев, ее глаза приметили то самое сокровище. Руна; стилизованная ладонь. То, что во сне выглядело как чистое золото, на самом деле оказалось обычным металлом, но его форму ни с чем было не спутать. Фомальхивский *карднас~лу* висел на шее дико размахивающей руками блондинки.

Фиона знала ее. Это была весьма милостивая молодая женщина, которая тщательно следила за своей внешностью, потому именно ее снимки они использовали, когда передавали медиантам первые новости о Д-альфе. Они кочевали из выпуска в выпуск, и таким образом лицо Мейбл Бак несколько дней ходило по Медианету в виде символа Д-альфы. Красотка, однако явно имела весьма ограниченное рамкой своего карманного зеркала мировосприятие, что ума не гарантировало. Фиона сомневалась, что Мейбл осознавала мистическое значение своего модного аксессуара.

«Рё Аккүтликс. Сокровище. Карднас~лу... с Фомальхивы.

Да, это точно оно – и я должна его заполучить, пока никто

не успел ее с ним заснять!»

У Фионы совсем не было денег, потому что всю свою зарплату она отдавала на поддержку ёссенской Церкви; но это можно было исправить. У нее ведь есть друзья – ну, как минимум коллеги. Она зашла в переулок, где стояла телекоммуникационная кабина, и позвонила Элис из архива исследований. У нее удалось занять восемь сотен – лардёнский круг со следующей зарплатой получит чуть меньше. В сознание Фионы проникла и другая еретическая мысль: лардёнский круг, в конце концов, может *вообще ничего* не получить с ее следующей зарплатой. Зачем еще поддерживать ёссеан? Ведь сейчас можно было купить кое-что получше.

Вполне вероятно, Фиона могла получить амулет от д-альфийки дешевле, чем за восемьсот кредитов, но он был так ей нужен, что рисковать было нельзя. Может, Мейбл и не была паразитально умна, но, получив предложение, она наверняка пойдет узнать другие расценки. Фиона собиралась задать настолько головокружительную планку, чтобы никто не смог ее преодолеть. Да и украшение было из обыкновенного металла! Но будь оно даже из серебра, больше сотни за него ни один *непосвященный* не даст.

«Но я – посвященная. Я понимаю тебя, Аш~шад, – мысленно обратилась Фиона к фомальхиванину. – Ты ушел от меня не для того, чтобы унижить. Виной тому обстоятельства: ты знал, что, стоит тебе остаться, ёссеанин повесит на тебя убийство Рут Дэш, потому ты действовал без промед-

ления и своим стремительным побегом нарушил его планы. Теперь ты ждешь, как поступлю я. Может быть, ты меня проверяешь. Ты хочешь знать, смогу ли я обнаружить твои следы... смогу ли получить твой вольт, который ты оставил мне здесь как напоминание...»

Фиона подождала, пока деньги от Элис поступят на ее счет, и тут же их обналичила. Затем смешалась с толпой. Группка вокруг Мейбл быстро распадалась, ее приятели прощались. Фиона поймала нужный момент, натянула улыбку и направилась к ней – симулировать случайную встречу. «Ничто не встанет у нас на пути, Аш~шад... у тебя и у меня... когда я, как покорная ученица, буду идти по твоим стопам к вершинам Познания и Прозрения...»

Через пятнадцать минут *карднас~лу* был у нее.

Теперь ее ничто не держало на Деймосе. Она активировала билет, выданный Советом, и ближайшим рейсом вылетела на Землю.

* * *

О

статок вечера Лукас просидел у телестены, вооруженный чайником успокоительного чая и бесконечным терпением, и смотрел, как земные парапсихологи демонстрируют себя в бизнесе. Терпение и чай были нужны до последней капли. Сеть была полна психов.

Лукасу вполне легко удалось найти контакт некоего Эдгара Хэлесси, председателя Независимого профсоюза психотропиков, а также некой Джудит Имрин Наори – герданки, судя по имени, – представительницы Общества собирателей психоактивных артефактов, штаб-квартира которого находилась на Марсе. Было там и «Содружество ПАРАПС», объединяющее парапсихологов, и «Лига друзей медной лозы». Организация с сомнительным названием «Человек нового типа» вызывала у Лукаса скрытое недоверие. Религиозную группу «Послы космических телепатов» он также отринул без долгих размышлений. И все равно оставалось еще две дюжины самых разнообразных объединений и союзов. Лукас начал искать рекомендации и цитирования, чтобы выяснить, кто из этих людей совершенно сумасшедший, а кто только немного, и размышлял, к какому эксперту обратиться, чтобы получить разумную рекомендацию.

Ему вдруг пришла в голову доктор Дюваль из общества «Коммуникация без границ», с которой Совет иногда сотрудничал. Психолог Дюваль, полная зрелая женщина с вампирскими бровями и усами, не вызывала у него симпатии, но, по его мнению, среди всех этих дилетантов была одной из немногих, кто действительно разобрался в своей специальности. Она работала в университете в А-кс-Сиене, еще одном поселении на западной окраине Атлантики, подобном Н-н-Йорку. Код из начала алфавита свидетельствовал о том, что поселение находится прямо у американского по-

бережья – то есть разница во времени составляет три часа. Лукас тут же без сомнений ей позвонил. Хотя была суббота, Жанин Дюваль охотно пошла ему навстречу. Она решительно предостерегла его относительно «Человека нового типа», что четко сошлось с инстинктами Лукаса и тем самым подтвердило ее квалификацию. Потом она однозначно рекомендовала ему Хэлесси.

– В нашем университете он выступает с лекциями на факультете когнитивных биосистем и нейротехнологии, но, насколько мне известно, у него есть нагрузка и в Н-н-Йорке. Он большой скептик и подходит ко всем паранормальным явлениям строго с научной точки зрения. Знаете, господин Хильдебрандт, я лично во все это не верю. Я думаю, в девяноста процентах случаев это лишь шумиха, суггестия, плохая методика или ошибка наблюдателя. Но из оставшейся пары процентов случаев, которые хотя бы стоят более тщательного исследования, большинство рассматривается как раз Союзом психотроников. Это самое серьезное, что можно найти во всей этой сомнительной области.

Кроме рабочего номера Хэлесси, который у Лукаса уже имелся, она дала ему и номер его нетлога, так что позвонить можно было прямо сейчас. Что Лукас и сделал.

Эдгар Хэлесси был загорелым, здорово выглядящим шестидесятилетним мужчиной.

– Ваш друг с психотронными способностями, который только что прилетел на Землю? – усмехнулся он. – Почему

он не позвонит мне сам?

– Потому что у него нет нетлога, а я ужасно люблю звонить.

Лукас сдерживал смех. Он понимал, о чем думает Хэлесси: никакого «друга» не существует. Господин председатель подозревает, что Лукас звонит сам за себя и боится в этом признаться.

– Ну хорошо. Наш Союз – независимая организация, выдающая свидетельства, которые признаются по всей Солнечной системе. Вам необходимо предъявить снимок МРТ головного мозга, который продемонстрирует физическую предрасположенность, а затем успешно сдать экзамены по герданской методике, что являет собой...

Эдгар Хэлесси долго снабжал его подробностями. После чего замер.

– Вы не записываете?

– Я все запомнил, – заверил его Лукас. – Но, возможно, лучшим вариантом было бы заранее встретиться и обсудить все лично. Конечно, я понимаю, что ваше время драгоценно, но у него действительно огромный талант.

– Тогда наши тесты не вызовут у него проблем, – ухмыльнулся Хэлесси.

Лукас не затруднил себя комментарием к этому выпадку.

– Мы можем подъехать к вам на факультет. Вам больше подходит среда, пятница или, возможно, даже понедельник?

Он хотел встретиться как можно скорее, ради чего и при-

менил этот давно проверенный трюк. Когда человеку все равно, он часто невольно выберет вариант, прозвучавший последним, – и будет уверен, что выбрал его сам.

Но Хэлесси не попался.

– Сейчас я в Сиднее, возвращаюсь через неделю. Позвоните как-нибудь на рабочей неделе, – без воодушевления сказал он.

– Обязательно позвоню, – заверил его Лукас и прервал звонок.

Затем бросил нетлог на стол, ухмыльнулся и закинул руки за голову.

– Так дело не пойдет.

Аш~шад с интересом наблюдал за ним.

– Почему? Все выглядело так, будто ты уже затесался в их ряды!

– Мы привлечем его внимание – об этом и речи нет. Он назвал конкретное место, значит, наверняка не соврал. Если немного его подоставать, он с нами встретится. Но с ним у нас ничего не выйдет. Я думал, что можно будет договориться на стороне, без идиотских тестов. Но этот человек никому не верит. – Лукас вздохнул. – В целом я его понимаю. Его наверняка преследуют толпы шарлатанов и психов. Меня он, например, явно определил как маниакально-депрессивного фантазера, который колеблется между нарциссизмом и комплексом неполноценности и думает, что он непризнанный телепат.

Аш~шад разразился смехом.

– Тебе ведь и телепатия не нужна! Ты видишь людей насквозь и без нее.

– Ага. Может, мне тоже стоит предъявить снимок мозга и попросить сертификат, – усмехнулся Лукас и пошел налить себе очередную кружку чая.

С печалью он подумал о мешочке гёмершаўла, который наверняка Пинкертинка спрятала где-то здесь, в одной из сумок; но пришлось сжать зубы и достать с чайной полки очередное безвредное ёссенское лакомство. «Ну уж нет. Пусть лучше пальцы твои где-нибудь застрянут, Лус, чем ты снова свяжешься с Пятеркой! – заявил он сам себе. – Например, в измельчителе для бумаг!»

В том, насколько мощно действие ёссенских психоактивных веществ, Лукас совершенно не сомневался. Даже странно, как мало ими интересовались парапсихологи. У них были свои любимые столпы: *протонация* – термин Бржетислава Кафки, экспериментального психолога и гипнотизера двадцатого века, или же *морфогенетическое поле* – разные названия для некоей информационной сферы, через которую можно выяснить нечто на расстоянии. Действительно бессмертной казалась идея *реинкарнации*, также в моде оставалось телекинетическое сгибание ложек. Когда речь шла об инопланетных источниках тайн и загадок, многие говорили об удивительных артефактах из лабиринта *черных колодцев* на Марсе, кто-то упоминал герданские техники медитации,

что, судя по всему, было вымыслом... но ни одно из парапсихологических объединений не имело ничего общего с Öссе. Никому, кто не точил зуб на Öссе так, как Лукас, и в голову бы не пришло об этом задумываться. Но он, под впечатлением от встречи с Трэвисом, решил найти священную *Пятерку* в Сети. Он вводил все ее составляющие, то есть *гöмершајл*, *лаёгјр*, *öкрё*, *янтријн* и *рävё*, во всех вариантах терронской записи; затем наугад парочку других öссенских грибов. Сеть не распознала ни одного запроса. В шаманском хит-параде традиционно лидировали псилоцибе и пейотль, иногда встречалась и ашваганда. Самым свежим материалом, показанным по заданным ключевым словам, была статья двухдневной давности авторства некоего Джеральда Крэйга, повествующая о каком-то öссенском магазинчике с неуместно напыщенным названием «Öссенская мудрость». Во всем остальном дело было швах. Парапсихологи и правда совсем не интересовались Öссе и öссеанами.

Или, по крайней мере, не говорили об этом... ровно в духе старой поговорки о тайных вещах.

Лукас решил, что будет иметь öссенский магазинчик в виду, и занялся следующим запланированным делом – списком медиантов.

Их должно быть около десяти: связываться с меньшим количеством опасно, с бóльшим – неэффективно. С помощью нетлога Лукас вызвал список тех, с которыми за прошедшие годы пришлось сотрудничать, когда он в качестве предста-

вителя Совета на некоторых мероприятиях сообщал информацию прессе. Он ограничился теми, кто был из Н-н-Йорка, но их все равно оставалось больше шестидесяти. Потому он просто просматривал имена и выбирал людей, о которых остались хоть в какой-то мере приятные воспоминания: *Джозеф Аберни... Кэрол Беннетт... Джеральд Крэйг...* Говоря прямо, Крэйг ему особо не запомнился, но отметил-ся своей статьей – очевидно, тема психотроники его занимает. Лукас закончил на *Зулу Зардозе* и составил для себя *формальхивскую группу*.

Он тут же направит им первый вариант печатной заметки, как только они с Аш~шадом что-нибудь состряпают.

Глава пятая

Слово верховного жреца

– Красивый браслет, – сказал Джеральд Крэйг.

– Я люблю платину, – согласилась Камёлё. – Золото вообще не ношу.

Она бесстрастно смотрела, как Джерри протягивает руку и ладонью проводит по ее предплечью. Камёлё сидела у него, голая по пояс – статуя из серебра. Ее кожа разогрелась после душа, и Камёлё натерлась ароматическим маслом. Пальцы Джеральда неуклонно двигались к трёхгранной полоске металла, несколько раз обвившей ее левое запястье, но глеевари ловко задержала их, не успели они коснуться браслета, и с нарочитой игривостью их отвела.

«Рё Аккүтликс, разве это возможно? – думала она. – Разве возможно, что этот человек не чувствует смерть, когда она так близко?»

Хватило бы одного движения моей руки.

Даже не так: хватило бы колебания в мыслях... доля невольной жажды насилия, что при половом акте случается так часто».

Камёлё понимала, почему зүрёгал доверил ей *серебристый холод*. Он хотел обязать ее перед собой. Хотел, чтобы она при любых обстоятельствах продолжала то, что он начал. Он буквально *подкупил* ее. Но у нее не было никакого

намерения идти на жертвы. Она уже была пешкой в чужой партии, и ей совсем не хотелось переживать это еще раз. «Я не сделаю этого снова, – думала она с тихой яростью. – Я больше не буду покорно ждать, пока мне позволят пролить кровь ради чьих-либо планов! Больше никогда».

Камёлё еще в ту ночь чуть не поддалась первому импульсу бросить *серебристый холод* в ближайший канал. Но он был слишком ценным и слишком опасным, чтобы оставлять его где-то без надзора. Говоря прямо... она сама не была полностью уверена, что справится. Это ментальное оружие: оно могло убить кого угодно, но на самом деле представляло куда бóльшую опасность для глееварингов, чем для людей без психотронных способностей. В некотором роде оно имело собственную волю и легко могло обратиться против Камёлё – как бойцовая собака, которая нападет на своего хозяина при первом проявлении слабости.

Однако, с другой стороны... иметь такого пса в своем распоряжении не так плохо, если умеешь его контролировать.

Камёлё натянула через голову синюю герданскую блузку. Браслет исчез под широкими рукавами. Джерри тоже собрал свои вещи и ушел в ванную. Камёлё слышала, как за дверью он насвистывает и включает душ – в отличие от нее, у него было много поводов для радости. Глеевари слезла с кровати и подняла с пола ремень.

На нем висел ее нетлог: как якобы *верующая* ёссеанка она не обязана была иметь чип под кожей, потому носила его на

поясе как декоративную пряжку. Для глееварина лучше, когда металл не утяжеляет руки. Четверть часа назад нетлог за-пищал, но в тот момент она не могла к нему подойти. Камёлё села в кресло у окна, подальше от разворошенной кровати, и открыла дисплей.

Пропущенный звонок.

С Ёссе?!.

Она понятия не имела, что и кому на Ёссе может быть от нее нужно. Но одно было точно: этому *кому-то* пришлось соблюсти все условности в одном из храмов Далекозерцания. Это стоило ему серьезных усилий, поэтому он так просто не сдастся. И позвонит снова.

Камёлё надела ремень, нацарапала Джерри записку и вылетела из квартиры. В чем бы ни было дело, не стоит с этим разбираться здесь. Джеральд относился к своим обязанностям медианта чрезвычайно серьезно. Ей с трудом удалось уговорить его убрать упоминания о ней из статьи о магазинчике Ёлтаўл. Хоть он и не владеет ёссеином, знаки на одеждах ёссенских сановников узнаёт без труда – так что, если позвонит кто-то из официального учреждения, а Джеральд увидит его на телестене, он тут же потребует информации.

Камёлё нашла лавочку в пустом парке и тут же подтвердила, что готова к звонкам. Всего через десять секунд ей позвонил ёссеанин.

Она смотрела на его лицо, не веря своим глазам.

Не веря глазам.

Незаметно, но как можно осторожнее она стянула левый рукав ниже, чтобы верховный жрец Парлүксöэль не увидел ни блика *серебристого холода*.

* * *

П

арлүксöэль. Этот мерзавец!

Камёлё вне себя от ярости летит по ступеням, а затем по коридору, проложенному в скале.

– *Стойте, дураки проклятые! А ну верните! – визжит она изо всех сил.*

В Скітё полно таких коридоров и извилистых улочек, сдавленных домами, покрытых сверху балками и мицелиальным брезентом для защиты от солнца. Это город узких проходов и скрытых закутков, закрытых дворишков и плоских крыш; место, созданное специально для тайных планов и погонь взрослых и детей. Если говорить о взрослых, их часто интересует чья-то смерть. Дети в смерть обычно лишь играют. У каждого их поколения есть свои тропинки и укрытия, свои тайные норы на чужих территориях и в неприступных дворах. Те трое противных парнишек как раз исчезли в одном таком укрытии.

Камёлё осматривается и шмыгает носом. Она на пустой улочке, куда мало кто забредает. Вблизи видно только тележку продавца рыбы и пять закрытых дверей. Куда они

могли убежать? И вообще, вот нужно им было взять именно ее зеркальце? Она знает лишь одного из всех троих. Того, самого противоположного, что постоянно ее провоцирует, – сыночка пертіјнского аббата Парліјксöэля. На него нет смысла жаловаться, ведь ему все равно никогда ничего не будет. Но почему они забрали ее зеркальце? Ведь она им ничего не сделала!

– Малявка, малявка!

Камёлё запрокидывает голову. Теперь она видит всех троих: каждый сидит на своей балке над улицей и гримасничает. Парліјксöэль-младший отодвигает брезент над головой, чтобы пустить внутрь солнце. Ловит Камёлё в трёмгріј, так, слегка, и вдруг пускает ей зеркальцем солнечного зайчика в глаза.

– А ты заведи!

Камёлё кричит и закрывает лицо руками. Ее уши скручиваются от боли и беспомощного гнева.

– Это вы пойдете за мной, а не я за вами! Вы принесете мне зеркальце! – визжит она.

Она представляет, как притягивает их к себе светящейся нитью. Всех. И вдруг она ясно ВИДИТ эту раскаленную нить, хотя ее ослепленные глаза все еще закрыты. Она чувствует что-то вроде страха, но гнев намного, намного сильнее. Камёлё обматывает мальчишек петлей, ловко хватая каждого вокруг пояса. Одного за другим. Затягивает. Вот так. Яростно. Мысленно.

Они взвизгивают. Сидя там наверху, они вдруг все разом теряют равновесие. Машут руками и пытаются схватиться за балки. Зеркальце падает и разбивается о камни. Камёлё всхлипывает и бежит к нему, но на этом все не заканчивается. Мальчишки над ее головой кричат, мечутся и внезапно один за другим тоже падают. Парлүксöэль ловко отскакивает и встает на ноги. Другой катается по земле, держится за колено и тихо скулит. Третий, что был дальше всех, описал в воздухе причудливую дугу и запутался в тросах, скрепляющих всю мицелиальную крышу. Камёлё с ужасом смотрит, как он машет руками, будто пытается доплыть по воздуху прямо к ней. Его голова застряла в сети, висящей прямо под крышей и служащей для подвешивания уличных амулетов. «Рё Аккјтликс, пусть быстрее вытащит голову! – ужасается Камёлё. – Он ведь задохнется!»

Она испуганно отступает, а мальчишка все продолжает барахтаться, таращить глаза, протягивать руки... Вместо того, чтобы быстро схватиться за сеть и просто слезть по ней вниз, он просовывает голову все глубже и глубже, и веревки врезаются в его шею, лицо краснеет, ноздри раздуваются, а потом... соскальзывает нога, которая давала ему опору, – мальчик покачивается и вдруг слабо повисает в сети, его шея странно искривлена, а трёигрј полностью исчезает из его глаз. Глаза его теперь похожи на оранжевые куски стекла.

– Ты что натворила, малявка тупая, ты что сделала?! –

тараторит Парліјксöэль, и его уши судорожно трясутся.

– Отстаньте от меня! Это не я! – визжит Камёлё.

Она отступает. Парліјксöэль вздрагивает и шагает к ней... а затем поднимается и второй, со сломанной ногой, и тащится за ними... нетвердо, с резкими криками боли при каждом шаге.

– Перестань! Замолчи! – кричит на него Камёлё с невменяемым ужасом, и он с того момента действительно даже не пискнет.

Тихо хромает за ними, вспотевший, с лицом, искривленным будто смятая бумага, и его нога сгибается под неестественным углом, а сквозь штаны сочится кровь. Камёлё пятится все быстрее, и оба мальчика идут за ней на точно отмеренном расстоянии и точно с такой же скоростью, два недобровольных преследователя, два спутника... но она все еще не понимает – в конце концов, ей всего семь лет. Поэтому она просто отворачивается и в панике пускается наутек в надежде, что так от них избавится.

Камёлё уже видит свой дом, это окраина города, и улицы здесь шире; ее ноги заплетаются, дыхание сбивается, но теперь-то она наверняка от них избавилась, Рё Аккіјтликс, теперь наверняка. Для верности она оборачивается... но Парліјксöэль все еще идет за ней, все еще, все еще... Теперь только он; тот с открытым переломом потерялся где-то по дороге.

– Не ходи за мной! – кричит Камёлё. – Пожалуйста, не

ходи за мной, уйди, мне надо домой, иди вокруг дерева походи, что ли, вот здесь, видишь, вокруг этого!

И Парлүксёэль послушно шагает и обходит дерево кругом, затем во второй раз и в третий... а Камёлё большие ничего не ждет и бежит домой, прячется в комнатке и баррикадирует дверь.

Позже она отваживается посмотреть в окно: там уже вечер, на небе светит луна Рекег, а в ее лучах мальчик ходит и ходит вокруг все того же дерева; и Камёлё идет спать и трясется в постели от ужаса, закрывает лицо ушами, и ей все равно кажется, что она слышит дыхание и шаги... Утром она вновь осторожно смотрит в окно, а он ходит там и ходит, даже теперь, нетвердо, неповоротливо, в стоптаных ботинках, измученный до смерти, но все ходит, и ходит, и ходит...

*** * ***

Парлүксёэль аккуратно положил руку на высокий белый подлокотник стула. Непринужденная поза. Бархатные серебристо-серые уши, пронизанные, без преувеличения, сотнями ритуальных колечек, мягко ниспадают по обе стороны его лица. Само лицо серое, с фиолетовым отливом, подсвеченное бликами белоснежного облачения пертүнских верховных жрецов. Лицо красивое. Симметричное. Аристократичное. Прекрасное.

Лицо самого могущественного человека Ёссе... *если тактично опустить Рекег.*

Конечно, он звонил не из храма Далекозерцания, как какой-то плебейский проситель; за его спиной Камёлё увидела стены пертунского дворца, стрельчатые своды из сверкающего белого мрамора, стремящиеся к великой славе Божьей навстречу зеленоватому ёссенскому небу.

– Камёлёмёэрнү, – сказал он, и его уши легонько затрепетали, – я обращаюсь к тебе спустя долгие годы, но ты меня наверняка помнишь. Мы были знакомы в детстве.

Она не могла понять, зачем он это упомянул. Человек в его положении предпочел бы стереть из своей жизни столь неудобную историю. Потом она поняла: угроза. Может, он намекает, что теперь-то он может ей отомстить.

В этом она должна его срочно разубедить.

– С тех пор наши пути бесконечно отдалились, эминенция досточтимейший. Тебе сопутствует благосклонность Аккүтликса, меня же пощада не ожидает. У меня нет больше ничего, что я боялась бы потерять.

Парлүксёэль растолковал все совершенно правильно. Даже улыбнулся.

– Каждому есть что терять, не сомневайся! – заверил он ее. – Но я не таю злобы. На самом деле это было очень хорошим уроком, Камёлёмёэрнү. Унизительное наказание, но каждое его мгновение я заслужил. Я еще легко отделался. Те двое не выжили.

– Даже тот со сломанной ногой?

– Дасүриэль потерял сознание, когда ты вела нас по одному из пустых двори́ков. Никто его там не нашел, так что за ночь он истек кровью.

Камёлё молчала. Было совершенно не к месту спустя столько времени открыто демонстрировать сожаление... или же объяснять ему, что она не хотела этого делать, всего лишь не могла остановиться. Он уже давно сам догадался.

«Аристократичный. Прекрасный. С удивительно понимающим выражением лица духовного лидера – вы посмотрите!» Парлүксёэль сделал карьеру.

Он смотрел ей в лицо на расстоянии множества световых лет – спокойно, без злобы, с полной открытостью. Стоило признать: харизма у него есть. Будь его смирение настоящим или поддельным, Камёлё все же чувствовала, как он на нее воздействует. Вероятно, это смешно, но впервые спустя годы она могла искренне сказать, что то убогое разбитое зеркальце она ему простила.

– С тех пор я знаю о твоей силе, – продолжил Парлүксёэль. – Редко случается, что человек, соблюдающий законы Аккүтликса, становится мишенью глееваринского удара. Я против Церкви никогда не грешил, так что мог бы не подвергаться ничему подобному. Мы оба знаем, как принято: глееварины – это слепые орудия недовольства Аккүтликса, которые должна держать крепкая рука священника, дабы они не стали угрозой Богу и людям. Однако я не думаю, что все

они без исключения должны быть лишены собственной воли, как это традиционно происходит при торжестве Озарения. Я верю, что ты, например, пережив момент, когда твоя собственная сила вышла из-под контроля, с тех пор используешь ее с наивысшей осторожностью. Для таких глееварин я готов признать право на истинную личность.

«Боже, какое великодушие!» Парлүксöэль, очевидно, ознакомился с ее делом и знал, что она избежала ожидаемых последствий торжества Озарения. Теперь он делал все, чтобы ее задобрить и убедить, что не станет при первой удобной возможности заливать ей в глотку двойную дозу рävë. «И я должна тебе поверить?» – думала Камёлë. Но и бровью не повела.

– Мой верный слуга, на данный момент пребывающий на Земле, заверил меня, что именно ты способна на настоящую безусловную преданность, – заключил Парлүксöэль.

Выходит, зүрëгал порекомендовал ее. Как интересно! Парлүксöэль, очевидно, пока не подозревает, что якобы *слепое орудие недовольства Аккїтликса* не только не слепо, но, более того, видит вещи совсем иначе, чем он. Камёлë ощутила прилив сочувствия, за которым тут же последовало злорадство. Мысль, что хотя бы о чем-то у нее имеется больше сведений, чем у этого прекрасного, потрясающего, уверенного в себе молодого священника, была неожиданно приятной.

– Внутренне я всегда была предана Аккүтликсу, – неуклю-

же сказала она, и именно это Парлүксöэль хотел услышать, чтобы высказать свое предложение.

Камёлё уже предчувствовала, о чем пойдет речь, но ее это совсем не интересовало. Единственное, что имело значение, – конкретные условия. «Настолько ли они выгодны, чтобы стоило позволить себя подкупить?»

– Я никогда не сомневался в твоей верности, – заверил ее Парлүксöэль. – И потому обращаюсь к тебе. Слушай внимательно.

Он помолчал. Ему удавалось хорошо владеть собой, но его уши все же слегка трепетали.

– Верховный жрец Аöрлёмёгерль совершил предательство. Он завладел одним из священных предметов и хочет передать его чужаку с планеты Хиваив. У меня уже есть информация, кого он использует для передачи предмета и как собирается эту передачу инсценировать. Предлогом станет торжественный прием в одном из герданских клубов. Организаторам потребуется переводчица с öссеина. Я позабочусь, чтобы им порекомендовали тебя. Ты увидишь, что формальхиванин в списке гостей есть. В момент, когда дело подойдет к передаче предмета, ты вмешешься. Человека, который вложит предмет в руки чужака, поймают с поличным, и его признание изобличит неверного жреца.

Парлүксöэль улыбнулся.

– Ты заслужишь благосклонность Аккүтликса, если позаботишься, чтобы священный предмет не попал в собствен-

ность неверующих. Не оставляй все воле случая, Камёлёмё-эрнү. Если все произойдет точно так, как я говорю, я лично отменю решение собора, согласно которому тебя изгнали с Ёссе. Ты вновь вернешься домой.

Камёлё сглотнула. Вот это смелость! Парлүксёэль страшно рискует. Его ненависть к Аёрлёмёгерлю и, скорее всего, ко всему гиддёрскому подразделению, должно быть, выходит за все рамки.

Ему явно было очень важно, чтобы Камёлё поняла его правильно, поэтому говорил он очень открыто. И она все уразумела без труда. Во-первых, она *не увидит*, что фомальхиванин есть в списке гостей, потому что его там, конечно же, не будет, – *она сама должна организовать приглашение*. Далее, человек, которого принесут в жертву, вполне возможно, действительно владеет этим предметом, но, вероятно, даже не подозревает, что должен его кому-то передать: его нужно вынудить, чтобы затем застать на месте преступления. Передача должна быть добровольной и убедительной, лучше всего в форме продажи, чтобы земная полиция не заметила ничего незаконного. Преступлением это можно считать исключительно согласно ёссенскому церковному праву. Дело такого значения будет гарантированно расследовать некто высокопоставленный и по всем критериям беспристрастный – то есть не кто иной, как сама Маёвёнё, земная верховная жрица. И опять именно Камёлё должна позаботиться, чтобы обвиняемый свидетельствовал так, как задумал Парлүксё-

эль. Маёвёнё не глеевари. Конечно, у нее есть личные глееварины, которые ей служат, но их так мало, что они не смогут надлежащим образом контролировать каждый случай и быть везде и сразу – особенно когда дело, очевидно, не будет касаться людей, связанных с психотроникой. Если только сама верховная жрица не начнет что-то подозревать и не даст глееваринам четкий приказ провести расследование – незаметного влияния на мысли никто не обнаружит.

Ладони у Камёлё вспотели, когда она представила, что бы только она за это не получила. Славу и благодарность Церкви за то, что предотвратила преступление. Отмену изгнания. Возвращение домой. И это – не говоря о длинной полоске элегантных платиновых колечек, которыми она снова сможет скрыть шрамы на носу. Правда, появятся новые шрамы, пусть и совсем другие, и их уже не скроет ничто.

– Я вижу, что ты поняла меня, Камёлёмёэрнү, – сказал верховный жрец. – Я дам тебе некоторое время на раздумья. Не пытайся выйти со мной на связь. Я сам позвоню тебе.

Это было ясное указание, что разговор окончен. Камёлё попрощалась согласно традиции, как от нее и ожидалось. Затем снова прикрепил нетлог на ремень и долго сидела в пустом парке, дрожа от предвесенней прохлады и неопределенной надежды.

«Все проблемы закончатся, если я это сделаю. Рё Аккүтликс!»

Эта мысль была ужасно навязчивой: она снова на Ёссе,

насмешливо отвечающая на трéйгрү своих давних врагов, увенчанная лаврами, неприкасаемая. Но тут же всплывали и воспоминания – о других обещаниях, других планах, другом верховном жреце, который точно так же пытался ее уговорить и воспользоваться ею.

Да, будущее точно будет светлым и блестящим... *если хоть один из них когда-нибудь сдержит свое слово.*

* * *

Тайна раскрыта.

Камёлё в саду дома своей матери.

Она опирается на один из камней белого известняка у входа. На земле искрится известняковая крошка, сквозь которую то тут, то там пробивается заботливо посаженный пучок серебристой травы. По всему периметру сада возвышаются пепельно-белые вековые плодовые тела декоративных грибов. Их причудливо переплетенные ножки мощны и крепки, словно корни деревьев. За спиной Камёлё находится полка, на которой стоят мамины цветочные горшки: ровненько, один за другим, все покрашены серебрянкой, ведь цвет металла – это почтение Аккїтликсу, а мать – глубоко верующая.

«Мне придется пойти, ведь теперь они знают, что я сделала с Парліјксöэлем, – думает Камёлё. – Теперь не спрятаться. Теперь они не забудут. Надо сегодня, но... но, мо-

жет, пойду завтра. То есть... тогда... да, завтра пойду».

Цветочные горшки за ее спиной тяжелые, полные глины и белых камешков, а в них растут формованные деревца. Их ветви мать тоже красит в серебряный цвет. Она сочетает их с идеально белой террасой и идеально белым фасадом дома, украшенным серебристыми полосками металла. Все серебристое и белое. Совершенно белое и лицо Камёлё.

«Ну нет, надо идти прямо сегодня, – думает она. – Ведь они ждали меня еще три дня назад. Они разозлятся».

Она проглатывает страх, ерзает на белом сиденье и раскладывает перед собой кучку бумажек. Нужно сделать кое-что из домашних заданий: выучить один псалом к уроку религии и придумать маленькую треугольную композицию к уроку мицелиального творчества.

«Но сначала надо сделать задания, – убеждает себя она. – Перед тем... как идти. Школа важнее. Нет, правда. Я не могу идти прямо сейчас. В следующую декаду будет экзамен по каллиграфии и биотехнологии. Все уже точно давно готовятся».

Но на это мне будет совсем наплевать. В следующей декаде я уже не буду ходить в школу», – вдруг осознаёт она, и ее начинает подташнивать.

Девочка читает первый стих, и вдруг слышит шаги. Вокруг сада – металлический забор с закрытой калиткой. Та резко распахивается. Камёлё поднимает глаза.

Трёйгрј прижимает ее к месту. Она задыхается, листья

выпадают из рук. Чудовищное чувство вины душит ее.

«Рё Аккјітликс, почему я не пошла вовремя?!. Я ведь хотела. Уже сегодня бы точно пошла!»

Перед ней стоит жрица в парадном светло-фиолетовом плаще. Наконец она выпускает Камёлё из трёигриј и складывает руки на груди.

– Ну-ну, юная леди! Мы не могли тебя дождаться.

– Я... мне еще надо было... в школу и...

– Девочка, сопротивление бесполезно. Ты думала, мы тебя не найдем? – усмехается молодая женщина.

Ее смех звучит совсем не искренне. Уши у нее прямо вытягиваются книзу, придавая лицу холодное выражение. Она пугает. Она злая. Полная злобы.

И ненависти?!.

«Если бы я только могла избавиться от этой дурацкой способности! – думает Камёлё. – Куда-нибудь ее спрятать, стереть из головы. И все бы оставили меня в покое. И не пришлось бы никуда идти».

Из дома выбегает мать Камёлё. Едва она видит фиолетовое облачение жрицы, ее уши растягиваются в удивлении. Это выглядит смешно – уши торчат в разные стороны. Камёлё начинает хихикать. Это скорее истерический смех.

Мать подбегает к ней и злобно хватается за ухо.

– Вставай! Ты не сказала мне, что тебя вызывали?!

Она так тормозит Камёлё, что чуть не ломает ей речную кость уха.

– И ты взяла и не пошла туда?! Как ты могла так со мной поступить, Камёлёмöэрнї? Такой позор!

«Мама, оставь меня дома, – вертится на языке у Камёлё. – Пожалуйста, не отправляй меня туда». Но ей не хватает смелости сказать это.

Мать поворачивается к жрице. Они обмениваются вежливым трёигрї, и, конечно... как Камёлё и ожидала, именно мама первая почтительно прикрывает глаза, чтобы случайно не задеть жрицу.

– Какой... какой талант вы в ней открыли? – спрашивает мать заикаясь.

– Психотронный. У вашей дочери глееваринские способности.

– У меня нет никаких... – начинает Камёлё.

Но чем больше она думает об этом, чем сильнее про себя повторяет, что их **НЕТ** и **НЕ МОЖЕТ БЫТЬ** – тем больше в ней нарастает напряжение.

Сзади на полке что-то задребезжало.

– Когда способности развиваются стихийно, это может быть очень опасно, и не только для нее, – говорит жрица. – Она обязана получить в монастыре соответствующую подготовку.

– Дети принадлежат Аккїтликсу, а не родителям, – говорит мать.

В ее голосе больше нет трепета. Конечно, ее согласие – не что иное, как формальность. Жрица не ожидает другого

ответа. А мать другого дать и не способна.

Камёлё хочется вопить. «Я не хочу туда!»

Она захлебывается невысказанными словами.

Задыхается от прилива неуправляемой силы.

Дребезжание раздаётся вновь: приглушенное настойчивое «ду-ду-ду-ду-ду», медленно поднимающееся на октаву выше в «р-р-р-р-р-р-р».

Тихий, но весьма пугающий звук.

Вибрация. А затем хруст ветвей и звон, будто что-то бьется, бьется, разлетается на осколки.

Это один за другим летят на землю горшки за спиной Камёлё.

Глава шестая

Под скоростной дорогой

Этот человек был странным. Он сидел за столом Лукаса, одетый в свитер Лукаса, и выглядел так, будто ему принадлежит вся квартира Лукаса. *Величественно. Самоуверенно.* Тем больше Пинки была растеряна.

Может быть, ее в нем так смущали его неестественно светлые волосы, гладко расчесанные и длинные, до пояса. Или же контраст между волосами и смуглым лицом – будто какой-то из этих цветов не был природным. Волосы пахли шампунем Лукаса так сильно, что запах дошел и до нее, хотя она к формальхиванину не приближалась. «Не пугайся. У меня ночует мой друг», – сказал ей Лукас по телефону; но такого Пинки не ожидала. Она не могла понять, как у Лукаса мог появиться такой... *друг.* Боже, уже с первого взгляда у них не было совершенно ничего общего! Этот блондин будто относился к другому природному виду. Из всех контрастов самым большим был именно контраст между ними двумя.

Когда представлялись, ожидалось, что Пинки подаст *Аш-шаду Лымашилдану* руку, но она не смогла решиться. Оправдавшись пакетами с покупками, она быстро сбежала на кухню разогреть пиццу, которую принесла, но коробки падали у нее из рук, а вино не хотело открываться. Но она еще не знала самого страшного.

Аш~шад Лымаиилдан *умеет читать мысли*.

Уже на следующее утро, за завтраком, Лукас упомянул это мимоходом, попивая кофе, будто само собой разумеющееся и человека здравомыслящего никак не касающееся. Пинки чуть не захлебнулась чаем. *Так он обманщик! Шарлатан! Сумасшедший!*

И Лукас, вероятно, тоже спятил, если ради *него* поехал в такой суматохе бог знает куда.

Пинки должна была с ним поговорить: спросить, правду ли он сказал и что все это значит; но Лукас на нее даже не посмотрел. Он был в своей стихии, поглощенный организацией и планированием.

«Боже, ну могли что-нибудь получше придумать», – крутилось у нее голове, пока она слушала их разговор. Но закрадывались и сомнения: «А вдруг он и правда умеет? Читать мысли? Ведь Лукас, очевидно, в это верит. Они оба верят. Для них это обычный факт».

Стоило Пинки допустить эту мысль, как мозг начал закидывать ее всем, о чем ей совсем *не хотелось* думать – начиная от пошлых шуток и небольших прегрешений до самого страшного. «Он знает о письме, – вдруг пришло ей в голову. Она бросила на Аш~шада взгляд, полный опасений. – Боже, что делать? Он знает».

Пинки отчаянно пыталась справиться с истерикой. «С другой стороны – какое ему дело? Это вообще его не касается. Ему невыгодно говорить об этом Лукасу.

Но он может начать меня шантажировать.

А разве ему что-то от меня нужно?»

Фомальхиванин ни разу не посмотрел ей прямо в глаза, будто и правда чувствовал страх, – это мог быть изощренный способ еще больше ее встревожить, но точно так же могло свидетельствовать о простом равнодушии. «Я, наверное, его не интересую, – думала Пинки. – Почти точно можно сказать, что ему все равно. Но что Лукас? После всех наших разговоров... после всех моих маневров ему наверняка любопытно. И он может просто спросить фомальхиванина». Может, фомальхиванин и не хочет вредить ей намеренно, но зачем ему ради нее лгать?

Убирая со стола, Пинки была готова к тому, что в любой момент Лукас незаметно отведет ее в сторону и заведет тот самый разговор, но он заявил, что ему нужно сделать пару звонков, а затем они поедут в город.

Этого Пинки ждать не стала. С невнятной отговоркой она схватила лыжную сумку и сбежала из дома.

Затем доехала до клуба своей команды, потому что больше не знала, где ей спрятаться. Там никого не было – девочки придут только завтра. Какое-то время она обдумывала, не пойти ли просто покататься; затем размышляла о том, что нужно позвонить Софии и сказать, что на обед она не придет; после подумала, что, наоборот, нужно ехать туда прямо сейчас и попросить у нее помощи; а в результате пришла к выводу, что ей все равно никто не поможет. Так что Пинки и

дальше ходила по клубу туда-сюда и раздумывала, как сделать так, чтобы больше никогда не встречаться с фомальхи-ванином.

Боже, так не хотелось переезжать из квартиры Лукаса! Это было страшнее всего! Но и оставаться там она не могла.

«Да, я параноик, – заключила она. – И, к сожалению, ксенофоб... неприятно! Ну, хотя бы в расизме меня обвинить нельзя. И ведь Аш~шад по происхождению землянин, обычный человек. Он совсем не кажется таким чужим, как öссе-ане».

В этот момент ей в голову ни с того ни с сего пришла еще одна, куда более страшная мысль:

«Он такой же человек, как мы, а научился такому. Если телепатия действительно существует, нигде не написано, что у Аш~шада на нее патент! Такой навык может спокойно встретиться и на Земле. На Марсе. На Герде.

Быть может, на Öссе.

О письме уже давно может знать кто угодно».

Ее передернуло от ужаса. Пинки вдруг вспомнила ту öссе-анку, которая заглянула к ней в гости и которую она про себя окрестила сланцевой кошкой. С простодушным доверием Пинки показала ей письмо, так как ее подкупило, что öссе-анка знает все подробности, о которых сама Пинки ни с кем в жизни не разговаривала. «Ведь и „сланцевая кошка“ могла получить всю информацию не от старого профессора, как она сама утверждала, – задумалась Пинки. – Она могла вы-

тащить ее из моей головы, увидев меня накануне в чайной».

Вдруг все стало выглядеть совершенно логично. «Öссеане знают о фомальхиванине и его способностях, и потому на Землю стекаются их телепаты. Тот, например, о котором говорил Лукас, тот зу... зуригал, а может, и другие. «Сланцевая кошка» рыскала вокруг Лукаса, и это ее заинтересовало. Содержание письма она, конечно, узнать не могла, потому что даже я его не знаю; так что она пришла на следующий день, выпросила его у меня и прочитала. После чего парализовала меня своим трёйгрү, чтобы иметь возможность элегантно исчезнуть и не переводить мне письмо».

Руки Пинки затряслись. При одной только мысли, как серьезно подобное заявление, ее желудок свело хорошо знакомым ужасом. Теперь все будет куда хуже, чем если бы она сказала Лукасу сразу. Она не только открыла письмо, но и давала его другим!

«Неужели это нельзя решить никак иначе?!»

Как по заказу, на нее вдруг напали сомнения. «А вдруг öссеанка была права? Она взяла с меня клятву не показывать письмо Лукасу. Казалось, для нее это очень важно. Если бы она просто хотела его прочитать, ей было бы все равно, что с ним потом станет, разве нет?

Не стоит недооценивать ее предостережение».

Пинки стремительно приняла решение; и хотя ей все равно было страшно, но уже куда меньше.

«Я должна убедиться. Я должна снова с ней поговорить.

Все прояснить, пока я не проболталась безрассудно Лукасу».

Конечно, номера «сланцевой кошки» у Пинки не было, но по шрамам на носу она могла с легкостью ее описать. Размышляя об этом, она уже вполне точно знала, где ее искать.

* * *

Л

укас и Аш~шад сидели в такси.

– И куда ты потащишь меня первым делом? – поинтересовался фомальхиванин.

– В герданский швейный салон. Герданцы – лучшие в своем деле.

– Герда. Это Процион?

– Точно, альфа Малого Пса, одиннадцать световых лет от Земли. На герданском *Геердарее*, на өссеине *Гуёрдабёёёре*, и все это значит что-то вроде «наш старый добрый мир». Мне они оказывают протекцию, – засмеялся Лукас. – Мы с Софией по матери герданцы. Когда Земля и Герда наладили дипломатические контакты, Аинеи Аниэми приехала в местный университет.

– И там познакомилась с твоим отцом?

Лукас замялся.

– Я даже не знаю, – признался он. – Мне кажется, на самом деле они познакомились где-то еще, но... у нас об этом как-

то не говорили. Но в конце концов они работали на одной кафедре. Аинеи преподавала герданский и, бывало, өссеин. Эти языки очень похожи.

– То есть она учила герданскому и тебя? – интересовался Аш~шад.

– Нет. Она умерла, когда мне было три года. Софии было шесть, так что она в этом плане чуть более образованна, – пожал плечами Лукас. – Я немного владею герданским, но лишь потому, что учил его в школе. Я считаю себя землянином. Весь мой герданский патриотизм ограничивается герданскими рубашками.

– Так твоя мать умерла, – произнес Аш~шад задумчиво. – То есть после уже никто не стоял между тобой и отцом.

Лукас бросил на него испепеляющий взгляд:

– Это было лишним!

– Прости.

– В любом случае, у герданки, к которой мы едем, отличный вкус в одежде, – невозмутимо продолжил Лукас. – Меня мода не особо интересует, и поэтому я предоставляю дело ей. Это может показаться тебе блажью, но правда такова, что, когда одеваешься определенным образом, намного проще продвигать свои интересы.

Аш~шад закинул руки за голову.

– Меня не перестает удивлять, Лукас, с каким изяществом ты обходишь каждое неудобное замечание, – сказал он. – Вот так, с ходу. Молниеносно и с достоинством. Щелкаешь паль-

цами – и ничего не было.

– Мы ведь и не говорим ни о чем неудобном, – заявил Лукас с улыбкой. – Я почти не помню мать, так что меня это не слишком волнует. Твоя ситуация куда страшнее! При катастрофе на «Трисмегистосе» ты потерял обоих родителей! Это наверняка наложило серьезный отпечаток.

Аш~шад закатил глаза.

– Хорошо-хорошо! Восприму это как предупреждение о том, что о некоторых вещах не стоит и начинать говорить.

Улыбка Лукаса стала на пару оттенков теплее. Рядом с Аш~шадом он чувствовал себя хорошо – как правило, ему больше нравились люди, которым хватало намеков вместо неуклюжих объяснений. Кроме того, как он цинично припомнил, это было и выгодно: в некотором смысле это избавляло его от ответственности. Не придется мучиться угрызениями совести, что он вплетает фомальхиванина в свои планы, потому что не было ни одного шанса, что что-то происходит без ведома Аш~шада.

Аш~шад не возражал. Пока.

Такси прибыло к роскошной галерее. Лукас подвел Аш~шада к двери из полированного дерева, на которой была лишь маленькая латунная табличка, и позвонил. У салона Йеегонеи не было кричащей вывески, как не было и рекламы. Но его нельзя было назвать и обычным магазином, куда можно было бы просто *войти*. Нужно заранее договариваться о приеме – что говорило само за себя. Когда Лукас

позвонил утром, ему повезло: герданцы, как и оссеане, считали время декадами, и выходной день у них не совпадал с выходным у землян.

Им открыла сама владелица салона и впустила в мир дымчатых зеркал, стен, выложенных тиком, и непривычно толстых ковров. Владелица была маленькой и стройной. С ее бледным лицом альбиноса резко контрастировали тщательно зачесанные иссиня-черные волосы, завязанные металлической сеточкой. Ее длинная туника из герданского шелка ледяного розового оттенка переливалась в свете хрустальных люстр, словно жидкое серебро. Плечи ее покрывал короткий розовый плащик с выведенными черными узорами, а у лодыжек колыхалась бахрома широких черных брюк.

– Гроф Лукас, – сказала она и поклонилась.

– Грофесса Йеегонеи, – ответил он поклонившись.

Герданка улыбнулась, и ее тонкая белая ручка молниеносным движением охватила талию Лукаса.

– Тоньше, чем раньше, – пропела она.

Ладонь второй руки мелькнула в воздухе, прошла по его плечу, груди и впиалась под складку рубашки на животе. Это было одно лишь мгновение, каких-то две-три секунды – то есть решительно меньше, чем Лукасу требовалось, чтобы открыть рот и начать что-либо объяснять. Вслед за этим ручки опустились, переплелись и сложились в весьма утонченном положении на боку грофессы.

– На семь килограммов и пять сантиметров в талии мень-

ше, чем полгода назад. Не слишком комфортна твоя жизнь, граф Лукас, – певуче произнесла Йеегонеи. – Желаете что-нибудь новое?

– Не для себя, – сказал Лукас.

Он не стал объяснять, что ему осталось жить не так долго, чтобы шитье костюма по меркам было оправданно.

– Я привел нашего с Софией друга, который недавно прибыл на Землю. Ему нужно абсолютно всё. Целый гардероб. Лучший из возможных.

Только теперь герданка обернулась к Аш~шаду. Их глаза встретились лишь после того, как закончились поклоны и представления.

Лукас ожидал, что Йеегонеи тут же бросится к Аш~шаду и снимет мерки своим коронным герданским способом, но она просто стояла и смотрела на него.

– Даже не знаю, смогу ли я, – наконец сказала она. – Понятия не имею, какой цвет для тебя выбрать, граф Аш~шад.

Лукас не верил своим ушам. За все время, что он ходил сюда, – а он не один год заказывал здесь для себя лучшую одежду! – от Йеегонеи он подобного признания не слышал. Она никогда не колебалась. У нее было двадцать швей, которые все наряды деталь за деталью шили вручную; но все решения, что именно нужно сшить, принимала исключительно она сама. Лукас приводил сюда своих знакомых, и герданке удавалось каждому из них подобрать одежду подходящего цвета и идеально сидящего фасона. Требовала она страшные

суммы. Но никогда не ошибалась.

Аш~шад улыбался.

– Цвет я выберу сам.

Йеегонеи переступила с ноги на ногу.

– Я стараюсь максимально идти навстречу своим клиентам, но никогда не создаю нарядов, с которыми не согласна, – сказала она. – Уже случилось такое, что мы с клиентом не смогли прийти к общему решению, потому я была вынуждена отказаться от работы. Честнее было бы попрощаться с тобой, граф Аш~шад. Так как я заранее знаю, что не буду уверена, соглашусь ли принять заказ.

– У меня другое предложение, – сказал Аш~шад все с той же улыбкой. – Цвет выберет Лукас. Ты ведь доверяешь его вкусу.

Йеегонеи подняла глаза на Лукаса.

– Да, – допустила она.

– Я тоже, так что мы точно договоримся, – заявил Аш~шад.

Лукасу показалось, что в его улыбке проскользнула толика коварства.

Йеегонеи кивнула.

– Хорошо, давайте попробуем, – сказала она и повернулась к Лукасу: – Граф, могу я предложить тебе стаканчик «гленморанджи»? Или чего-либо еще?

Лукаса не удивляло, что герданка вместе со всеми его мерками и массой тела носит в голове и его любимую мар-

ку виски. Обычно он приходил вечером, потому что другого времени у него не было; но в половине десятого утра стаканчик алкоголя его, скорее всего, убьет.

– Лучше кофе, Йеегонеи, если будешь так любезна.

– Как пожелаешь.

Йеегонеи помнила и то, что кофе он пьет черный и без сахара, налила его в узкую стеклянную чашку с ручкой и отвела Лукаса в заднюю часть магазина, где располагался столик с мягкими креслами, обитыми розовым бархатом, и стеллажами с искусно оформленными тканями. Затем незаметно приблизилась к фомальхиванину. Ее ручки мелькнули в воздухе и оказались на его лопатке и груди.

– Как хорошо! – произнесла она. – Широкие плечи, твердые мышцы. Ты много тренируешься. В твоём случае важно подчеркнуть преимущества, а не скрыть недостатки. Эта рубашка Лукаса тебе мала, но в хорошо подобранной одежде ты будешь выглядеть как король. Пойдем в раздевальню, граф Аш~шад. Для начала я попрошу тебя снять одежду. Мне нужно видеть все твоё тело.

Аш~шад без возражений последовал за ней. Лукас с ухмылкой сел и откинул голову на розовый бархат. «Так сколько? – подумал он. – Сколько моих денег стоит оставить в наследство Софии? В сущности, нисколько. Мне все равно ее не убедить, что тратить нужно только проценты, а инвестиции не трогать – эта ее иррациональность в мать. В общем, у меня нет причин экономить, и я не буду. *Король* – какой

фарс! Но Йеегонеи права. Нужно отнестись к этому с великодушием». Вдруг ему пришла в голову мысль, и Лукас подскочил и направился к раздевальне.

– Йеегонеи?.. – позвал он через штору. – Кроме приличного костюма, нам нужно также кое-что слегка экстравагантное. Почти театральное. Подумай об этом. Попробуй что-нибудь из того, что, по твоему мнению, мог бы носить волшебник.

Аш~шад в раздевальне приснул со смеху. Энергичным движением он раскрыл штору и высунул голову.

– Эй, Лукас, ты не перегибаешь палку?

– Совсем нет. Если ты действительно собираешься кормить себя психотроникой, правильный имидж – это необходимая основа, – сказал Лукас.

Глазами он невольно скользнул по его голой груди и несколько опешил.

– Приличные шрамы, – ухмыльнулся он. – Прямо ассорти.

– С детства над этим работаю, – заверил его Аш~шад.

Улыбка на его лице постепенно угасала, и теперь вместо удовольствия она выражала скорее иронию.

– Как всем нам известно, в аргиа~луйских школах боль – основное учебное пособие.

Он повернулся к герданке.

– Что-то еще нужно, грófесса Йеегонеи?

Маленькая женщина улыбнулась и сложила руки на поясе.

– Только смотреть на тебя и размышлять. *Волшебник*, –

забормотала она под нос. – Но да. Лукас прав.

– Нужно отобразить пристойное соотношение таинственности и серьезности, – продолжил Лукас свою мысль. – Добавить каплю помпезности. . . но она не должна превратиться в напыщенность. Никакого алого бархата, никаких мантий! В подобном ты будешь выглядеть как идиот, Аш~шад. Никогда не надевай ничего красного.

Аш~шад застегнул пряжку на брюках, но за рубашкой не потянулся.

– Согласен, – произнес он. – Продолжай.

– Но нельзя выбирать и мышиные цвета, которые ношу я. Никакого сланцевого серого! Для меня самый шик – серебристо-синий, а уверенность в себе и мире – черный. Но ты совсем другой. Твой цвет – зеленый.

Аш~шад оперся о дверной косяк и посмотрел на Лукаса.

– Ты очень уверенно говоришь об этом. А вдруг ты ошибаешься?

Лукас задумался.

– Нет, – наконец сказал он. – Зеленый.

– Хорошо, – согласился фомальхиванин. – Знаешь что? Я встану у белой стены. Выбирай не цвет, а *оттенок*. И попробуй сделать это *точно*.

Он отошел от двери. При каждом движении на его теле проступали мышцы – переливались то тут, то там, будто были расположены под кожей в свободном порядке и жили своей жизнью. Лукас заметил, что у фомальхиванина нет ни

грамма жира. Вообще. А затем, к своему удивлению, также отметил, что его движения уже не так элегантно грациозны, как раньше. Они излучали внутреннее напряжение. Фомальхиванин молча прошел мимо стеллажей и нашел подходящее местечко с нейтральным фоном.

«Теперь мне не хватает ружья, а ему повязки на глазах», – невольно подумал Лукас.

В этот момент Аш~шад закрыл глаза.

Лукаса вдруг охватило странное состояние. Ему казалось, что в магазине слишком спертый воздух. Йеегонеи стояла возле него, еще бледнее, чем раньше. Лукас хотел попросить ее включить кондиционер, но не успел он произнести и слова, как она покачала головой.

– Не пытайся отвертеться, граф Лукас, – певуче произнесла она и выдавила из себя смешок. – Давай выбирай скорее, чтобы я начала работу.

Лукас кивнул. Ничего страшного не происходит. Он взгляделся в Аш~шада и попытался тщательно рассудить, что тому подойдет, но уже и так все увидел.

– Это должен быть темный теплый зеленый. Без оттенков серого.

Он взял со стеллажа одну из тканей, густой оттенок с золотистым блеском, а затем еще один посветлее.

– Это то, что нужно.

Внезапно – отчасти и к собственному удивлению – Лукас достал и темно-фиолетовую ткань.

– И это, но в меру, – произнес он. – Я бы добавил еще охровый и каштановый, но мне кажется, что ты коричневый не любишь.

Лукас вновь задумался.

– Вместо этого лучше добавить золотистого цвета. Ты можешь себе это позволить.

Аш~шад открыл глаза и посмотрел на ткани. Он покачал головой – как будто не веря своим глазам.

– Ты прав, Лукас, – наконец сказал он. – Во всем. Ты намного точнее, чем я смел надеяться. Включая то, что я коричневый и правда ненавижу.

К ним подошла Йеегонеи, которая с настоящей герданской готовностью уже сбегала на склад.

– У меня есть лишь одна готовая модель подобной расцветки с показа, – сказала она. – Кажется, она полностью отвечает всем запросам на экстравагантность.

Женщина показала костюм на плечиках.

Это была прекрасная туника из темно-зеленого шелка в сочетании с золотистым. Лукас ожидал, что Аш~шад вдруг начнет протестовать или же как минимум отпускать издевательские замечания, и считал, что в такой ситуации у него даже есть право на язвительность; но фомальхиванин ничего не сказал и просто надел тунику. Йеегонеи выровняла ее на его плечах и добавила на талию широкий золотистый пояс. С плеч по обе стороны ниспадали золотистые ленты, умело вшитые в широкие рукава и развевающиеся при каждом

движении. Все это выглядело весьма эффектно, невероятно величественно и при этом нисколько не чересчур.

– Это именно тот цвет и тот стиль, – сказал Лукас. – Ты гениальна, Йеегонеи. Еще бы какой-нибудь магический амулет на шею – и можно смело выступать перед медиантами.

Аш~шад ухмыльнулся, но все так же не произнес ни слова.

Йеегонеи отправилась за каталогами и альбомом. Лукас воспользовался удачным моментом, отвел ее в сторону и открыл аккредитив.

– Тунику мы заберем. Всё за мой счет и на адрес Софии. Мою рубашку, которая была на Аш~шаде, отправь в первой посылке.

Затем они присели за стол и начали обсуждать, что необходимо сшить. Йеегонеи быстро и умело рисовала трехмерные наброски. Аш~шад пил минеральную воду, которую ему налила герданка, и вежливо и с невероятной благосклонностью на все соглашался. Лукас с улыбкой смотрел, как улетают деньги с его счета.

Внезапно на его запястье зазвонил нетлог. Лукас извинился, отошел на пару шагов в сторону и взял трубку.

Больше он не улыбался.

* * *

ши незнакомого өссеанина на дисплее были нервно скручены. Он начал говорить на өссеине, но затем запнулся и с заиканием перешел на терронский. Раз он так путался в языках, то наверняка был не в себе.

– Да, я знаю Пинкертину Вард, – ответил Лукас на вопрос.

С каждым словом өссеанина кровь отливала от его лица.

– Сколько это длилось? – перебил он өссеанина.

– Никто из нас на допросе не присутствовал, но девушка выглядит плоховато.

Лукас сжал зубы. «Плоховато?! И это говорит өссеанин!»

К сожалению, он мог себе представить совершенно точно, как паршиво может быть Пинкертинке в такой ситуации.

Он выругался про себя. Когда утром она в спешке уходила, Лукас чувствовал, что ею движет, – он даже хотел пойти за ней, но потом подумал, что Пинки просто нужно немного успокоиться и все переварить. Он недооценил ее. Он не верил, что она может решиться на что-то серьезное.

Ее тайна может быть еще страшнее, чем он подозревал.

– Где зүрёгал теперь? – спросил он өссеанина.

Мужчина заметно смутился.

– Я не знаю.

Лукас ухмыльнулся. «Даже если он скрывается за занавеской в полуметре от тебя, а?»

– Почему вы звоните именно мне?

– Мы посмотрели журнал звонков в ее нетлоге и выбрали самый частый контакт, – признался өссеанин. – Мы подума-

ли, что, если вместо полиции и врачей сообщим вам, все это может разрешиться без лишнего шума. Начальнику знакомо ваше имя... ну, то есть... он слышал о профессоре Хильдебрандте и решил, что вы ему можете приходиться сыном.

Лукас проглотил отвращение, которое в нем каждый раз вызывали упоминания об отце.

– Хорошо. Я приеду, – сказал он с такой неохотой, которую только мог изобразить, и повесил трубку.

Затем начал поспешно рассуждать. Он не мог просто оставить Аш~шада в магазине с тканями – это было очевидно; но так же очевидно было и то, что ситуация с Пинки не может ждать. Лукас набрал воздуха и повернулся к фомальхиванину, чтобы тактично все объяснить.

– Я поеду с тобой, – заявил Аш~шад прежде, чем Лукас успел произнести хоть слово. – Мне все равно любопытно, какие они.

– Это опасно.

Произнося это слово, Лукас осекся – от страха или скорее от безнадежной уверенности, что гнев зүрёгала, висящий над ним все это время, уже готов на него обрушиться. *Карминовое айё... алтарь, холод камней. Кровь.* Ко всем его прошлым преступлениям вчера добавилось еще и уничтожение мандалы – страшнейший грех. Лукас подавил в себе отвратительную мысль о медленной лардöкавöарской смерти, которая, возможно, его ожидает, и посмотрел фомальхиванину в глаза.

– Это может оказаться ловушкой, Аш~шад. Один человек, у которого ко мне есть претензии, мог захотеть, чтобы меня туда заманили. У них Пинки, так что я не могу не ехать. Но у тебя есть выбор.

Аш~шад ухмыльнулся.

– На самом деле не большой, Лукас, – заверил он его и встал. – Твое постоянное непритворное благородство не оставляет мне другого выбора. Кроме того, если у них действительно такая власть, которой ты их мысленно наделяешь, рано или поздно мы все равно на них наткнемся.

Лукас долю секунды размышлял, имеет ли смысл милосердно солгать, но затем посчитал это излишним.

– Ты прав, Аш~шад. Но такие дела стоит откладывать по-дальше, пока это возможно. Тебе стоило бы держаться в стороне. – Он замялся. – Есть некоторая возможность, что я от-туда не вернусь.

– Не согласен! – со смехом заявил фомальхиванин. – Я не оставлю тебя в когтях зүрёгала, Лукас! Я ведь *волшебник*, помнишь? Пока на мне эта туника, с нами абсолютно ничего не может случиться!

* * *

Ö

ссенская чайная, где Лукас всего пару недель назад покупал гёмершау́л, днем выглядела неприметно и запустело.

Открывая металлическую дверь, он готов был сразу за ней увидеть зүрэгала, который со сложенными на груди руками и холодным презрительным выражением лица станет бросать ему в лицо обвинения. Но из внутреннего помещения при-мчался лишь управляющий, тот же нервный парень, который говорил с ним по нетлогу. На бегу он надевал на нос очки.

– Девушка внизу, господин Хильдебрандт, – сказал он на өссеине.

– Как она?

Өссеанин махнул рукой.

– Недовольство Аккүтликса значительно, но еще не по-действовало на нее в полную силу. Это лишь начало. Пока ее даже не тошнило.

Лукаса передернуло. Он живо мог представить течение сегодняшнего дня и ночи.

– У вас нет коньяка?

– Я сразу же дал ей выпить суррө,– заверил его өссеанин.

Он показал дорогу в подсобное помещение, но затем схва-тил Лукаса за рукав.

– Я вспомнил, откуда вас знаю. Вы тут были с ней недавно. Потом вы пошли в уголок и купили... *кое-что*.

– Да.

– Я должен вам сказать. Я не знаю, о чем ее спрашивали. Но когда зүрэгал вышел, он смеялся.

– *Смеялся?!*

– У него уши от смеха загибались. Такое нечасто уви-

дишь... то есть в случае такой официальной личности.

Лукас рассмеялся.

– Хм. Спасибо за информацию. – Он вытащил из кармана ёссенскую монету и сунул ее ёссеанину в руку. – Если вдруг еще что-нибудь вспомните.

Перед тем как зайти в подсобку, он огляделся. Аш~шад все это время держался рядом, но теперь, вместо того чтобы последовать за ним, лишь покачал головой и молча встал у двери.

Лукас проскользнул внутрь. Пинки сидела на скамейке в раздевалке персонала, одна в темноте. Она ежилась от холода, завернутая в толстый плед и желто-черное полосатое пончо ёссеанина. На глазах у нее лежала мокрая тряпочка, которая выглядела не слишком чисто. Пинки опиралась плечом о стену и тихо, хрипло и устало всхлипывала. Лукас склонился над ней и взял ее за руку.

– Я тут, Пинкертинка.

Она судорожно обхватила его за шею.

– Лукас! Ты... за мной... пришел, – выдавила она из себя. Зубы у нее стучали.

Лукас сел рядом и уложил ее к себе на колени. Снял с лица раскаленную тряпочку и бросил в ведро со льдом, которое стояло рядом.

– Не надо, – пробормотала Пинки и спрятала лицо в пончо.

– Я только приподниму тебе веко. Так нужно, Пинки.

Лукас говорил настолько бескомпромиссным тоном, что она подчинилась почти без боя. Когда он увидел окровавленный белок глаз, у него засосало под ложечкой. Ему показалось плохой идеей сообщать Пинки, что она сильно рискует ослепнуть; но он понимал, что ее нужно отвезти к доктору. Срочно. Пока не начнется карусель из головокружения, тошноты и потери сознания. Он выжал тряпочку и снова приложил ей к глазам.

Пинки выдохнула.

– У него... у него был... серебряный треугольник, – выдавила она.

Лукас погладил ее по волосам.

– Я знаю.

– Я сказала... сказала ему... Боже, ты никогда меня не простишь.

– Послушай, в трёйгрү всегда есть кое-какая проблема со свободой воли, – заверил ее Лукас. – Ты можешь встать?

– Не-е-ет.

Лукас посмотрел на дверь. *«Аш~шад»*.

Сработало. Боже – к его собственному удивлению и ужасу – дверь распахнулась через секунду. Аш~шад совершенно бесшумно подошел к ним. И прижал палец к губам.

«Нужно отнести ее в такси. Можешь помочь ее поднять?» – думал Лукас.

Аш~шад покачал головой. Затем встал на колени и запустил пальцы в волосы Пинки. Потом положил руку ей на гла-

за.

– А-а-ах! Как ты это делаешь, Лукас? Так приятно, – выдохнула Пинки.

Лукас хотел все объяснить, но его поразила следующий энергичный жест Аш~шада. Фомальхиванин снял с Пинки тряпочку, плед и пончо и расширил свою шаманскую деятельность от волос до самого живота.

– Пинкертинка, только не открывай глаза, пожалуйста, – сказал Лукас, подыгрывая.

И тут же увидел, как Аш~шад хитро улыбается.

Минут через десять фомальхиванин медленно убрал руки, кивнул Лукасу и тихо отступил.

– Хорошо. Теперь попробуй встать, – сказал Лукас.

Пинки поднялась.

– Мне... уже лучше, – удивленно сказала она. – Как ты это сделал?!

– Это не я.

Лукас посмотрел на фомальхиванина.

Пинки обернулась.

– Ты! – взвизгнула она.

Ее лицо скривилось от отвращения. Она тут же бросилась к Лукасу и обхватила его шею руками, будто это был вопрос жизни и смерти.

– Почему ты ничего не сказал?! – всхлипнула она. – Боже, ты позволил ему прикоснуться ко мне! Как ты мог так со мной поступить?!

Лукас окаменел и проглотил все возможные язвительные ответы. Женская иррациональность – это один из видов природных катастроф; мудрый мужчина выносит подобное бедствие стоически, потому что знает, что с этим ничего не поделать.

– Нужно уезжать, Пинкертинка, – только и сказал он. – Зүрëгал, вполне возможно, где-то нас поджидает. Попробуй собраться. Ты можешь идти?

Пинки передернуло.

– Зур... зур... господи, я уже... Лукас, скажи, он больше никогда не будет на меня смотреть?!

И на это нельзя было ответить ничего вразумительного.

– Если ты быстро сбежишь, то нет, – заверил ее Лукас.

Он бросил многозначительный взгляд на Аш~шада за ее спиной, схватил Пинки за руку и направился к дверям.

– Подождите.

Это было первое слово, которое Аш~шад произнес за все время пребывания в чайной.

– Спешить некуда. Его здесь нет. Важнее разведать обстановку, чем бездумно куда-то бежать. Дайте мне десять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.